

Константин Аверьянов

СЕРГИЙ

РАДОНЕЖСКИЙ

ЛИЧНОСТЬ И ЭПОХА

Константин Аверьянов

Сергий Радонежский.
Личность и эпоха

«Центрполиграф»

2018

УДК 94(47)034
ББК 63.3(2)42

Аверьянов К. А.

Сергий Радонежский. Личность и эпоха / К. А. Аверьянов —
«Центрполиграф», 2018

ISBN 978-5-227-08254-1

Монография доктора исторических наук К. А. Аверьянова посвящена жизни святого Сергия Радонежского – одной из самых заметных фигур отечественной средневековой истории. Пожалуй, ни об одном из русских святых не написано так много, как об основателе Троице-Сергиевой лавры. Тем не менее уже при первом знакомстве с этой литературой обнаруживается странная и удивительная картина: на первый взгляд о жизни Сергия Радонежского мы знаем практически все – и в то же время почти ничего, даже точных дат жизни. XIV век в истории Руси крайне сложен для историка прежде всего из-за чрезвычайной скудости источников. Разрозненные фрагменты раннего летописания в составе более поздних летописных сводов, считаное количество актов, несколько литературных памятников – вот, в сущности, и все, чем располагает исследователь этого времени. Вместе с тем существует целый пласт источников, который ждет своего исследователя. Речь идет о житиях древнерусских святых. Главная трудность заключается в том, чтобы уметь разглядеть в них черты реальной исторической действительности того времени, увидеть конкретные исторические факты. Благодаря тщательному анализу и сопоставлению различных источников автору впервые удалось воссоздать полную биографию самого известного русского святого.

УДК 94(47)034
ББК 63.3(2)42

ISBN 978-5-227-08254-1

© Аверьянов К. А., 2018

© Центрполиграф, 2018

Содержание

Предисловие	6
Глава 1	21
Конец ознакомительного фрагмента.	43

К. А. Аверьянов

Сергий Радонежский. Личность и эпоха

Предисловие

Споры историков о датах жизни Сергия Радонежского. «Житие» Сергия Радонежского – главный источник его биографии. Епифаний Премудрый – первый биограф преподобного. Переработка текста Епифания Пахомием Логофетом в связи с канонизацией Сергия Радонежского. Дальнейшие переработки «Жития» и появление противоречий в биографии Сергия. Поиски подлинного текста Епифания Премудрого. Его находка Б. М. Клоссом

В истории России XIV столетие занимает особое место, став временем возвышения Москвы, когда вокруг нее началось объединение русских земель. Если в начале века Московское княжество едва заметно среди своих более сильных соседей, то уже через несколько десятилетий ситуация коренным образом изменилась, и московский князь Дмитрий Иванович Донской смог выставить на Куликово поле против иноземных поработителей объединенные силы почти всех русских княжеств. Тем самым были заложены основы будущего единого Русского государства.

Но фундамент могущества Москвы был построен не только ратным трудом и мирной политикой московских князей: в его возведении участвовало множество людей. Немалая заслуга в том, что именно Москва стала столицей Российского государства, принадлежала Сергию Радонежскому – одной из самых заметных фигур отечественной средневековой истории.

Пожалуй, ни об одном из русских святых не написано так много, как об основателе Троице-Сергиевой лавры. Тем не менее уже при первом знакомстве с этой литературой обнаруживается странная и удивительная картина: на первый взгляд о жизни Сергия Радонежского мы знаем практически все и в то же время почти ничего. Это парадоксальное утверждение объясняется весьма просто – нам известны все основные вехи жизненного пути преподобного, но при этом мы до сих пор не можем точно сказать, когда именно в его жизни происходили те или иные события.

Достаточно упомянуть о том, что до сих пор даже среди профессионалов, занимающихся историей XIV в., нет единства мнений по такому, казалось бы, простому вопросу: когда Сергий появился на свет? В литературе это событие датируется временем от 1313 до 1322 г. Говоря о дате основания преподобным Троице-Сергиевой лавры, исследователи оперируют промежутком между 1334 и 1345 гг. Неясно, к примеру, и то, сколько лет прожил Сергий (70 или 78), а отсюда по-разному определялось время его кончины (1391, 1392 или даже 1397 г.). Что же касается других эпизодов его биографии, то разница в их датировке порой достигает нескольких десятилетий. Относительно же некоторых из них у нас нет полной уверенности в том, что они происходили в действительности, а не были приписаны преподобному задним числом. В частности, это касается знаменитого свидания Сергия Радонежского с Дмитрием Донским накануне Куликовской битвы: некоторые исследователи полагали, что его вообще не было, другие, с неохотой все же признавая реальность этой встречи, связывали ее с совершенно другими событиями.

Такой разнобой взглядов характерен не только для старой, но и для новейшей литературы, посвященной Сергию Радонежскому. В этом легко убедиться, если заглянуть в последние по времени труды на эту тему Н. С. Борисова, Б. М. Клосса, В. А. Кучкина и других авторов.¹

---

¹ Кучкин В. А. Сергий Радонежский // Вопросы истории. 1992. № 10. С. 75–92; Борисов Н. С. Сергий Радонежский. М., 2002; Косоруков А. А. Строитель вечного пути России Сергий Радонежский. М., 2004; Клосс Б. М. Избранные труды. Т. 1.

Причины разногласия историков во многом лежат на поверхности. Хотя имя Сергия Радонежского неоднократно встречается на страницах русских летописей, главным источником о жизни преподобного является его «Житие».

Еще в XIX в. исследователи установили, что работу над «Житием» Сергия начал младший современник преподобного Епифаний Премудрый. Об этом известно из ряда списков памятника, где тот прямо называется создателем «Жития».

О первом биографе Сергия сведений сохранилось немного. Он родился приблизительно в середине XIV в. и, судя по косвенным свидетельствам источников, был уроженцем Ростова. Подобно Сергию, в юности он оставил мир и принял постриг в ростовском монастыре Григория Богослова, славившемся своей библиотекой. В «Затворе», как именовали эту обитель, жил в это время до своего ухода на проповедь и знаменитый впоследствии Стефан Пермский, с которым Епифаний делил труды, «ему совопросник и собеседник бяше». Позднее жизненные обстоятельства привели Епифания к преподобному Сергию, и он стал его учеником, проведя в Троицком монастыре значительную часть своей жизни. Помимо «Жития» Сергия ему принадлежит еще ряд произведений, одним из которых является «Житие» Стефана Пермского. Сочинения Епифания Премудрого отличаются пышным риторическим стилем, насыщенным метафорами и сравнениями, часто встречаются элементы народно-бытовой речи.²

Свой труд Епифаний начал осенью (вероятнее всего, в октябре) 1418 г. Об этом становится известным из предисловия к «Житию», где автор, приступая к работе, жалуется на то, что по прошествии 26 лет после смерти святого (то есть подразумевается дата 25 сентября 1418 г.) так и не было создано его биографии. Следует отметить тщательность, с которой работал агиограф.³ На протяжении многих лет он буквально по крупицам собирал сведения о жизни Сергия. Епифаний рассказывает о том, что за 20 лет им были приготовлены отдельные главы о жизни старца – «ова убо въ свитцехъ, ова же в тетратех, аще и не по ряду, но предняя назади, а задняя наперед... и того ради сиа вся събравшыше, начинаем писати». Определяя содержание предстоящего труда, Епифаний намечал и его хронологические рамки: «Ныне же, аще Богъ подасть, хотель убо бых писати от самого рожества его, и младенство, и детство, и въ юности, и въ иночестве, и въ игуменьстве, и до самого преставления... Но боюся усумняся прикоснутися повести... яко выше силы моеа дело бысть, яко немощень есмь...»⁴ Последние слова агиографа о собственной немощи не являются обычным литературным приемом, а отражают реальное положение. Доведя жизнеописание Сергия примерно до середины его жизненного пути, Епифаний так и не смог завершить свое главное произведение, и оно осталось незаконченным. Причиной этого явилась его смерть.

Б. М. Клосс относит кончину Епифания Премудрого к концу 1418-го – 1419 г. Основанием для этого послужил список погребенных в Троице-Сергиевой лавре, составители которого отметили, что Епифаний умер «около 1420 г.»⁵ Историк соотнес это указание со свидетельством древнейшего пергаменного Троицкого синодика 1575 г. В его начальной части записаны три Епифания, один из которых – несомненно, Епифаний Премудрый. Затем в этом

Житие Сергия Радонежского. М., 1998.

² Коновалова О. Ф. К вопросу о литературной позиции писателя конца XIV в. // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. XIV. М.; Л., 1958. С. 205–211; Она же. «Плетение словес» и плетеный орнамент конца XIV в. (к вопросу о соотношении) // Там же. Т. XXII. М.; Л., 1966. С. 101–111.

³ Агиограф (от греч. *агиос* – святой и *графо* – пишу) – человек, который пишет о жизни святого.

⁴ Клосс Б. М. Указ. соч. С. 286, 288, 289.

⁵ Список погребенных в Троицкой Сергиевой лавре от основания оной до 1880 г. Н. Новгород, 2012. С. 11–12, № 86 (репринт изд.: М., 1880). См. также: Ткаченко В. А. Список погребенных 1880 г. как источник по истории некрополя Троице-Сергиевой лавры // Троице-Сергиева лавра в истории, культуре и духовной жизни России. Материалы II Международной конференции, 4–6 октября 2000 г. Сергиев Посад, 2002. С. 265–276; Он же. Труды иеромонаха Гедеона Вихрова по составлению списков лиц, погребенных в Троице-Сергиевой лавре // Троице-Сергиева лавра в истории, культуре и духовной жизни России. Материалы V международной конференции, 26–28 сентября 2006 года. Сергиев Посад, 2009. С. 66–75.

источнике отмечено имя княгини Анастасии, супруги князя Константина Дмитриевича, о которой из летописи известно, что она скончалась в октябре 6927 г.⁶ При мартовском летоисчислении это дает октябрь 1419 г., при сентябрьском стиле – октябрь 1418 г. Поскольку Епифаний Премудрый скончался ранее княгини Анастасии, его смерть следует отнести ко времени до октября 1418 г. или до октября 1419 г.⁷ Но первая из этих двух дат отпадает по той причине, что Епифаний приступил к написанию «Жития» Сергия только в октябре 1418 г. Таким образом выясняется, что Епифаний Премудрый скончался в промежуток между октябрём 1418 г. и октябрём 1419 г. Мы имеем возможность уточнить дату смерти Епифания благодаря тому, что его имя упоминается в рукописных святцах в числе «русских святых и вообще особенно богоугодно поживших», но официально не канонизированных Церковью. В частности, по данным архиепископа Сергия (Спасского), имя Епифания встречается в составленной в конце XVII – начале XVIII в. книге «Описание о российских святых», неизвестный автор которой расположил памяти русских святых не по месяцам, а по городам и областям Российского царства. Другая рукопись, содержащая имена русских святых, была составлена во второй половине XVII в. в Троице-Сергиевом монастыре и поэтому богата памятными учеников Сергия Радонежского. Изложение в ней идет не по городам, как в первой, а по дням года. Оба этих источника называют днем памяти Епифания 12 мая. Архиепископ Сергей в своей работе также пользовался выписками из рукописных святцев конца XVII в., присланных ему жителем Ростова Н. А. Кайдаловым. Оригинал святцев сгорел в пожар 7 мая 1868 г. в Ростове, но выписки, сделанные из них, целы. В них внесено немало неканонизированных русских святых, в том числе и Епифаний Премудрый. Днем памяти, а следовательно, и кончины Епифания в них названо 14 июня.⁸ Учитывая, что Епифаний Премудрый, судя по всему, происходил из Ростова, а также то, что 12 мая отмечается память св. Епифания Кипрского, соименного Епифанию Премудрому, становится понятным, что точная дата кончины агиографа содержится в источнике ростовского происхождения. На основании этого можно с достаточной уверенностью полагать, что Епифаний Премудрый скончался 14 июня 1419 г.

Правда, имеется мнение, что он умер гораздо позже. На взгляд В. А. Кучкина, свидетельство об этом находим в «Похвальном слове Сергию Радонежскому», принадлежащем перу Епифания. В нем имеется упоминание о раке с мощами преподобного, которую целуют верующие. На взгляд исследователя, эта фраза могла появиться только после 5 июля 1422 г. – времени «обретения мощей» Сергия, когда его гроб был выкопан из земли, а останки положены в специальную раку. Этим словом в христианской церкви ныне именуют большой ларец для хранения останков святых. Раки ставились в храме, обычно на возвышении, и делались в форме саркофага, иногда в виде архитектурного сооружения. Отсюда В. А. Кучкин делает два вывода: во-первых, «Слово похвальное Сергию Радонежскому» было написано Епифанием Премудрым после 5 июля 1422 г., а во-вторых, оно появилось не ранее «Жития» Сергия, как полагают в литературе, а позже его.⁹ Однако, как выяснил тот же В. А. Кучкин, слово «рака» в древности имело несколько значений. Чаще всего оно обозначало «гробницу, сооружение над гробом», но встречаются примеры его употребления в значении «гроб».¹⁰ Если же обратиться непосредственно к тексту Епифания и не «выдергивать» из него отдельное слово, то становится понятным, что в «Похвальном слове Сергию» агиограф вспоминал события 1392 г., связанные с похоронами преподобного. Многие из знавших троцкого игумена не успели на его погребение

⁶ Полное собрание русских летописей. Т. I. Лаврентьевская летопись. М., 1997. Стб. 540. (Далее – ПСРЛ.)

⁷ Клосс Б. М. Указ. соч. С. 97.

⁸ Сергий (Спасский), архиепископ. Полный месяцеслов Востока. Т. I. М., 1997. С. 257, 380–384; Т. III. М., 1997. С. 558.

⁹ Кучкин В. А. О времени написания Слова похвального Сергию Радонежскому Епифания Премудрого // От Древней Руси к России Нового времени. Сборник статей к 70-летию Анны Леонидовны Хорошкевич. М., 2003. С. 417.

¹⁰ Там же. С. 416. Ср.: Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 21. М., 1995. С. 265.

и приходили на могилу Сергия, припадая к надгробию, чтобы отдать ему последние почести.¹¹ Окончательно в ошибочности рассуждений В. А. Кучкина убеждает то, что в Средневековье существовал широко распространенный обычай устанавливать пустую раку над местом захоронения святого, или, иными словами, над мощами, находившимися под спудом.¹²

О всей дальнейшей жизни основателя Троице-Сергиева монастыря известно из сочинения другого агиографа – Пахомия Логофета. Он являлся выходцем со знаменитого Афона, был по происхождению сербом и появился на Руси во второй половине 1430-х годов, прожив около 20 лет в Троицкой обители. Будучи «профессиональным» литератором (на это указывает его прозвище: логофет – «словоположник, письмоводец, канцелярист»), Пахомий выполнял работу по официальным заказам и получал за свой труд плату. На Руси он прославился как составитель житий, служб и канонов. По подсчетам исследователей, его перу принадлежат 10 житий, ряд похвальных слов и сказаний, 14 служб и 21 канон.¹³

Именно Пахомий через два десятилетия после смерти Епифания написал полное «Житие» Сергия. Каковы же были побудительные причины к этому? Оказалось, что эта работа была осуществлена при игумене Троице-Сергиева монастыря Зиновии (1432–1445) и самым тесным образом связана с канонизацией основателя обители в середине XV в.

По мнению Б. М. Клосса, одной из причин составления Пахომием Логофетом нового «Жития» Сергия стала необходимость сокращения текста Епифания для более удобного использования в богослужебной практике. Но самым главным, на его взгляд, явилось то, что время игуменства Зиновия пришлось на сложное в политическом отношении время феодальной войны второй четверти XV в. В условиях ожесточенной и полной драматизма борьбы за великое княжение монастырские власти сочли за лучшее «исправить» некоторые факты в жизнеописании святого, которые в быстро меняющейся обстановке могли бы вызвать ненужные ассоциации. В частности, историк указывает, что преемником Сергия Радонежского и новым игуменом в Троицкой обители сразу после смерти преподобного стал Савва Сто-рожевский, позднее основавший известный Савво-Сторожевский монастырь близ Звенигорода. Но этот город входил в удел злейшего противника великого князя Василия Темного – его дяди князя Юрия Дмитриевича, и поэтому монастырские власти посчитали необходимым не упоминать имени подлинного преемника Сергия, а представить дело так, будто после кончины преподобного Троицкую обитель возглавил другой ученик Сергия – Никон.¹⁴

Имеющиеся в нашем распоряжении факты на первый взгляд подтверждают правоту Б. М. Клосса. Созданное Пахომием «Житие» Сергия дошло до нас в нескольких редакциях, которые отличаются друг от друга набором включенных в них фактов из биографии преподобного. К примеру, в наиболее полной Третьей редакции имеется сюжет об основании Голутвинского монастыря под Коломной, который отсутствует в Первой редакции. Вместе с тем объяснение Б. М. Клосса не дает ответа на вопрос: почему этот факт не нашел отражения в Первой редакции труда Пахомия Логофета? Голутвинский монастырь изначально был основан на великокняжеской земле и не был никоим образом связан с противниками великокняжеской власти

¹¹ См.: Клосс Б. М. Указ. соч. С. 280–281.

¹² Зачастую рака ставилась над гробом святого еще задолго до его прославления. Так, над могилой Зосимы Соловецкого (умер в 1478 г., канонизирован в 1547 г.) его ученики поставили гробницу «по третьем же лете успения святого» (Мельник А. Г. Гробница святого в пространстве русского храма XVI – начала XVII в. // Восточнохристианские реликвии. М., 2003. С. 533–534, 548).

¹³ Некрасов И. С. Пахомий Серб, писатель XV века. Одесса, 1871; Яблонский В. М., священник. Пахомий Серб и его агиографические писания: биографический и библиографически-литературный очерк. СПб., 1908; Иванова М. В. Авангардист XV века (Пахомий Логофет) // Вестник Литературного института им. А. М. Горького. 1999. № 2. С. 16–26; Горский А. А. Пахомий Серб и великокняжеское летописание второй половины 70-х гг. XV века // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2003. № 4. С. 87–93; Духанина А. В. Епифаний Премудрый и Пахомий Серб: различия в употреблении сложных претеритов // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2005. № 3 (21). С. 28–29.

¹⁴ Клосс Б. М. Указ. соч. С. 18–19, 60.

в период феодальной войны второй четверти XV в. Не отвечает исследователь и на другой вопрос: почему варианты «Жития» Сергия, написанные Пахомием, помимо различного набора включенных в них сюжетов отличаются и их хронологической последовательностью? Если в первом варианте Пахомий помещает рассказ о начале Андроникова монастыря после сообщения о победе Дмитрия Донского над Мамаем, то в Третьей редакции ставит его ранее этого события.

Не отрицая роли политического фактора, следует все же дать иное объяснение отмеченным переменам в тексте памятника. Прежде всего они были вызваны тем, что переработка Пахомием «Жития» Сергия была самым тесным образом связана с прославлением основателя Троицкого монастыря в середине XV в.

Канонизация всегда являлась не одномоментным событием, а достаточно длительным процессом. Прежде чем Церковь признавала человека святым, развитие его культа должно было пройти по крайней мере две стадии. Первой являлось местное почитание (в узком смысле этого слова) – в пределах одного монастыря или населенного пункта, а второй – в более широких границах: обычно в отдельно взятой области, княжестве или епархии. В последнем случае также принято говорить о местном почитании (но в широком значении данного термина). И только затем принималось решение о канонизации в рамках всей Церкви.

Первый шаг к признанию культа троцкого игумена был сделан 5 июля 1422 г., когда накануне тридцатой годовщины со дня кончины преподобного состоялось «обретение мощей» Сергия Радонежского, в результате чего устанавливается местное почитание святого. Его дальнейшее развитие происходило во время игуменства в Троицком монастыре Зиновия. Именно при нем, в 30-е гг. XV в. закладываются традиции великокняжеских, а затем царских походов на богомолье в Троицкий монастырь, приуроченных ко дню кончины святого – 25 сентября. В этот период известны как минимум два посещения обители в данный день великим князем Василием Темным.¹⁵

Необходимым условием для последующих действий по прославлению Сергия Радонежского являлось наличие его «Жития». Но имевшееся в Троицком монастыре «Житие», составленное Епифанием, доводило биографию Сергия, как мы убедимся позднее, лишь до событий начала 60-х гг. XIV в. и ничего не говорило о последующих 30 годах его жизни – именно о том времени, когда, по выражению Епифания Премудрого, «преподобный отец наш провоси-аль есть въ стране Русстей».¹⁶ Поэтому перед властями обители встала задача закончить труд Епифания. Это дело было поручено появившемуся в Троицком монастыре в 1438 г. Пахомию Логофету.

По предположению Б. М. Клосса, первый вариант своего труда Пахомий Логофет написал в том же 1438 г.¹⁷ Однако имеется возможность более точно определить время его создания. Московский летописный свод конца XV в. под 1439 г. сообщает о приходе к Москве в пятницу 3 июля татарской рати во главе с царем Махмутом. Набег оказался внезапным, и великий князь, не успев собраться с силами, вынужден был отойти за Волгу, оставив в городе своего воеводу князя Юрия Патрикеевича. Самый сложный момент осады, вероятно, пришелся на 5 июля – праздник обретения мощей Сергия, и можно предположить, что в этот день великий князь возносил молитвы троцкому игумену. Последующие события развивались в пользу москвичей: Махмут, безуспешно простояв под столицей 10 дней, вынужден был отойти прочь.¹⁸ Очевидно, увидев в этом Божественное провидение, благодарный Василий Темный решил совершить богомолье в Троицкий монастырь на день памяти Сергия Радонежского. О том, что великий

¹⁵ Там же. С. 70–71.

¹⁶ Там же. С. 278.

¹⁷ Там же. С. 129, 161.

¹⁸ ПСРЛ. Т. XXV. Московский летописный свод конца XV в. М., 2004. С. 260.

князь был в Троицком монастыре 25 сентября 1439 г., известно из его жалованной грамоты на село Сватковское Переславского уезда.¹⁹ Поскольку паломничество великого князя являлось делом государственной важности и готовилось заблаговременно, можно предположить, что предупрежденные о нем монастырские власти решили подготовить к визиту высокого гостя полное «Житие» основателя обители. Если это так, то время написания Пахомием Первой редакции своего труда определяется концом июля – сентябрем 1439 г.

В качестве основы Пахомий взял текст Епифания, который предстояло дополнить рассказом о второй половине жизни Сергия. Не исключено, что агиограф мог использовать оставшиеся в монастыре подготовительные материалы своего предшественника, которые тот не успел обработать. Но для работы был отведен слишком короткий срок (ее необходимо было закончить к 25 сентября – годовщине смерти преподобного), и Пахомию удалось написать лишь довольно небольшой текст о последних 30 годах Сергия. Однако на фоне обстоятельного повествования Епифания произведение Пахомия, по объему составлявшее лишь четвертую часть епифаньевского, выглядело довольно блекло и скромно. Стремясь избежать этого диссонанса, Пахомий вынужден был кардинально сократить текст своего предшественника. В итоге несоответствие было устранено – если посмотреть на структуру произведения Пахомия, то легко убедиться, что описание первой половины жизни троицкого настоятеля, основную канву которой он позаимствовал у Епифания, по объему примерно совпадает с той частью, которую написал сам Пахомий. Ограниченность отпущенного на работу времени привела также к тому, что в первом варианте своего труда Пахомий не использовал ряд известий о жизни преподобного, которые содержались в уже написанных к тому времени Троицкой и других летописях.

Другая особенность текста Пахомия определялась предстоящей канонизацией Сергия. Главным основанием причисления того или иного подвижника к лику святых во все времена служил дар чудотворений. Неудивительно, что Пахомий наряду с изложением фактов биографии Сергия столь пристальное внимание уделяет этой стороне и включает в текст своего произведения семь соответствующих эпизодов.

Несмотря на то что с задачей по написанию «Жития» Сергия Пахомий в целом справился, преподобный в конце 1430-х гг. так и не был причислен к лику святых. Объяснялось это тем, что официально право причисления к лику святых всегда принадлежало главе Русской церкви. Между тем на Руси в это время митрополита долгое время не было. Рукоположенный в 1437 г. константинопольским патриархом Иосифом на этот пост митрополит Исидор уже через полгода после прибытия на Русь отправился в Италию для участия во Флорентийском соборе, созванном для решения вопроса об объединении Западной и Восточной церквей. Так как первый вариант «Жития» Сергия составлялся в спешке, монастырские власти решились подготовить к возвращению Исидора новое, более полное жизнеописание преподобного. По наблюдениям Б. М. Клосса, Вторая редакция «Жития» была пополнена за счет текста Епифания Премудрого и других источников. Исследователь относит время ее создания к 1437–1440 гг.²⁰ Эту датировку можно сузить. Поскольку первая попытка канонизации Сергия в 1439 г. не удалась, следует думать, что Пахомий работал над этой редакцией жизнеописания преподобного на протяжении 1440 г.

Но и на этот раз канонизация основателя Троицкого монастыря не состоялась. Препятствием для нее стали внешние обстоятельства. Митрополит Исидор, возвратившись в Москву в марте 1441 г., уже через три дня по распоряжению Василия Темного был низложен за то, что принял унию. Понятно, что в этих условиях церковной и светской власти было не до прославления Сергия.

¹⁹ Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в. Т. I. М., 1952. № 139.

²⁰ Клосс Б. М. Указ. соч. Т. I. С. 165.

Тем не менее троицкий игумен Зиновий не оставлял надежд на успех начатого дела. Соответственно продолжал работать и Пахомий. В преддверии столетия обители, которое приходилось на осень 1445 г. и могло стать весомым поводом для канонизации ее основателя, появилась составленная Пахომием Третья, наиболее полная редакция «Жития» Сергия, полностью соответствовавшая житийным канонам. При работе над ней агиограф, очевидно, учел критику, имевшую место, – сделал уточнения в ранее написанном тексте, добавил пропущенные им эпизоды биографии Сергия, а главное – дополнил свое произведение рассказом об обретении мощей святого и его посмертных чудесах – без их наличия канонизация даже формально не могла быть проведена. Б. М. Клосс относит составление Третьей редакции ко времени «около 1442 г.». Основанием послужило то, что в заключительной похвале Сергию делается акцент на его чудесной способности примирять враждующих «православных царей». Одновременно в тексте самой редакции превозносятся добродетели отца Шемяки – князя Юрия Дмитриевича, подчеркивается его роль в построении в обители каменного Троицкого собора и в то же время не обойден похвалами «благоразумный» и «великодержавный русский царь» Василий Васильевич.²¹ Зная, что именно в эти годы на Руси велась затяжная междоусобная война между великим князем Василием Темным и Дмитрием Шемякой, а в 1442 г. благодаря троицкому игумену Зиновию в обители святого Сергия произошло примирение непримиримых противников, становится понятно, что подобный текст отвечал политической «злобе дня».

Соглашаясь с наблюдениями ученого, все же стоит отнести создание Третьей редакции к периоду не «около 1442 г.», а ко времени после того, как примирились ранее враждовавшие князья. С учетом же предстоявшего юбилея работу Пахомия, вероятно, нужно датировать 1443–1444 гг.

Одновременно Зиновий изыскивает возможность обойти формальности строгих церковных правил. Хотя к этому времени официально утвержденного митрополита на Руси по-прежнему не было, его обязанности исполнял владыка Иона, «нареченный» в митрополиты еще в 30-е гг. XV в., но не утвержденный на этом посту патриархом. Поскольку Троицкий монастырь входил в митрополичью область, управлявшего ею Иону можно было рассматривать не как митрополита, а как епархиального владыку. Таким образом, Иона имел формальное право объявить Сергия святым в пределах митрополичьей области, иными словами, в границах Московского княжества.

Но этому помешали два события, случившиеся в один и тот же год. День в день, ровно за три месяца до предполагавшихся торжеств по поводу юбилея, а именно 7 июля 1445 г., произошел знаменитый Суздальский бой, в результате которого Василий Темный попал в татарский плен (во многом из-за того, как указывает летописец, что к нему не пришел на выручку Шемяка),²² и на великокняжеском столе оказался Дмитрий Шемяка. Политическая ситуация коренным образом изменилась, и Пахомий был вынужден приступить к переделке созданного им жизнеописания Сергия, срочно сокращая и обезличивая его. Так возникла следующая, уже Четвертая редакция «Жития», которая, по мнению Б. М. Клосса, была составлена в промежуток между 1443 и 1445 гг.,²³ а на наш взгляд – в 1445 г. Однако и на этот раз труд агиографа остался невостребованным. Вскоре умирает сам Зиновий, после чего последовала чехарда с назначением троицких игуменов, которые менялись в зависимости от политической ситуации на Руси. Всего за три года в монастыре сменилось три настоятеля. Лишь после поставления игумена Мартиниана (1447–1454) дело канонизации Сергия сдвинулось с мертвой точки. Очевидно, именно в начале игуменства Мартиниана основатель обители был канонизирован в пре-

²¹ Там же. С. 168.

²² ПСРЛ. Т. XXV. С. 262–263.

²³ Клосс Б. М. Указ. соч. Т. I. С. 21.

делах Московской земли. Во всяком случае, из документа 1448 г. явствует, что к этому времени Сергей Радонежский уже вошел в пантеон святых, почитавшихся в Московском княжестве, то есть получил местное почитание в широком смысле этого слова – в пределах Московской земли. Речь идет о dokonчании Василия Темного и Ивана Андреевича Можайского. Имя Сергия также присутствует среди «всех святых и великих чудотворец земли нашеа», которые упомянуты в «проклятых грамотах» князя Дмитрия Шемяки великому князю Василию Темному, составленных в начале 1448 г.²⁴

Общегосударственная канонизация Сергия произошла чуть позже – в конце 1448 г. Третья Пахомиевская редакция «Жития» Сергия была дополнена описанием чудес, случившихся у гроба Сергия в 1447 и 1448 гг., последнее из которых датируется 31 мая 1448 г.²⁵ Дополнение было сделано не случайно. Из сообщения летописца известно, что 15 декабря этого же года на церковном соборе в митрополиты «всех Руси» был поставлен владыка Иона.²⁶ Очевидно, тогда же и была произведена общерусская канонизация Сергия – именно к началу заседаний этого собора и был приурочен рассказ о самых последних по времени чудесах Сергия.

Впоследствии «Житие» Сергия неоднократно перерабатывалось для различных целей другими книжниками. В частности, оно было включено в переработанном виде в летописный свод 1518 г., к которому восходят Вторая Софийская и Львовская летописи. «Житие» преподобного читается также в Никоновской летописи и входит в состав Степенной книги. В середине XVI в. «Житие» Сергия было включено митрополитом Макарием в состав Великих Четых миней, которые были задуманы как грандиозный свод «всех святых книг, которые в Русской земле обретаются, и с новыми святыми чудотворцы». В XVII в. к работе над «Житием» Сергия обращались такие известные писатели своего времени, как Герман Тулов, Симон Азарьин, святитель Димитрий Ростовский. В следующем столетии дань этой тематике отдали митрополит Московский и Коломенский Платон (Левшин) и даже сама императрица Екатерина II.²⁷ XIX век также внес свой вклад в агиографию преподобного Сергия. Новое

²⁴ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.; Л., 1950. № 51. С. 151, 153, 155; ПСРЛ. Т. XXV. С. 269.

²⁵ Кloss Б. М. Указ. соч. С. 441–453.

²⁶ ПСРЛ. Т. XXV. С. 270.

²⁷ *Симон (Азарьин)*. Книга о чудесах пр. Сергия. Творение Симона Азарьина. Сообщил С. Ф. Платонов. СПб., 1888 (Памятники древней письменности и искусства. Вып. LXX). (Переизд.: *Неизвестные чудеса преподобного Сергия*. М., [2001]); *Житие* и чудеса преподобного Сергия, игумена радонежского, записанные преподобным Епифанием Премудрым, иеромонахом Пахомием Логофетом и старцем Симоном Азарьиным, в переводе на русский язык. М., 1997; *Уварова Н. М.* Легенда о нижегородском ополчении в «Книге о новоявленных чудесах преподобного Сергия» Симона Азарьина // *Литература Древней Руси. Сборник научных трудов*. М., 1981. С. 85–90; *Янковская Л. А.* Житие преподобного Сергия Радонежского в обработке святителя Димитрия Ростовского // *История и культура Ростовской земли*. 1992. Ростов, 1993. С. 10–26; *Платон (Левшин П. Е.)*, митрополит московский и коломенский. Житие преподобного и богоносного отца нашего Сергия, радонежского чудотворца, вкратце собранное синодальным членом, преосвященным Платоном, архиепископом московским и калужским, и обители преподобного Сергия священноархимандритом. 2-е изд. М., 1784; *Он же*. Житие преподобного и богоносного отца нашего Сергия, радонежского чудотворца, вкратце собранное синодальным членом, преосвященным Платоном, архиепископом, что ныне митрополитом московским и калужским и обители преподобного Сергия священноархимандритом. М., 1793 [2-е изд.: Житие преподобного и богоносного отца нашего Сергия, радонежского чудотворца, вкратце собранное синодальным членом, преосвященным Платоном, митрополитом московским и коломенским, обители преподобного Сергия священноархимандритом, и орденов св. апостола Андрея, св. Александра Невского и св. Владимира I степени кавалером. М., 1811; 3-е изд.: М., 1833] (кирилловская печать); *Он же*. Слово митрополита Платона, говоренное в Свято-Троицкой Сергиевой лавре 5 июля 1783 года // Торжественное празднование 500-летия преставления преподобного и богоносного отца нашего Сергия, игумена радонежского чудотворца (25 сентября 1892 года). М., 1892. С. 29–32; *Он же*. Слово высокопреосвященного митрополита Платона, в день преподобного Сергия, говоренное на утрени в Троицкой лавре, в Троицком храме, 1795 года, сентября 25 дня // Там же. С. 33–36; *Он же*. Слово в день памяти преподобного Сергия // *Журнал Московской патриархии*. 1992. № 3. С. 5–6. [перепеч. из: Полное собрание сочинений Платона, митрополита московского. Т. 1. М., 1914. С. 667–671]; *Екатерина II*. Житие преподобного Сергия Радонежского. Написано государыней императрицей Екатериной Второй. Сообщил П. И. Бартев (Памятники древней письменности и искусства. Вып. LXIX). СПб., 1887. [Другие публикации: *Она же*. О преподобном Сергии. Историческая выпись // *Литературное обозрение*. 1991. № 4. С. 26–31; *Русский архив*. Русский исторический журнал. 1992. № 2 (603). С. 33–44; *Она же*, Возбранный России воеводо. М., 1994. С. 15–27; *Она же*. Житие преподобного Сергия. Историческая выпись // *Журнал Московской патриархии*. 1992. № 10. С. 37–43; *Она же*. Житие преподобного Сергия

«Житие» было составлено митрополитом Московским и Коломенским Филаретом (Дроздовым).²⁸ В XX в. агиографией преподобного Сергия занимались архимандрит Никон²⁹ и Патриарх Московский и всея Руси Алексей I.³⁰ Столь частое появление новых переработок «Жития» во многом объясняется тем, что оно использовалось в церковных службах и читалось в установленном порядке за всенощным бдением в Троице-Сергиевом монастыре (лавре) в канун церковных праздников, связанных с именем преподобного.³¹

Таким образом, видим, что традиция переработок «Жития» Сергия, начавшись в XV в., продолжалась более пятисот лет – вплоть до середины XX столетия, а в виде дальнейших

Радонежского. М., 1998; Отрывок из него: *Она же*. Ученики преподобного Сергия знаменитейшие... // Преподобный Сергий Радонежский. Житие, чудотворения, молитвы. М., 2002. С. 130–131.]

²⁸ *Филарет (Дроздов В. М.), митрополит московский и коломенский*. Слово о нетлении святых мощей, на память преподобного и богоносного отца нашего Сергия Радонежского и всея России чудотворца, говоренное в Троицком Сергиевой лавры соборе синодальным членом Филаретом, архиепископом московским сентября 25, 1821. М., 1821 [переизд.: *Он же*. Слова к московской пастве, в первый год управления ею говоренные, и житие преподобного Сергия Радонежского и всея России чудотворца, из достоверных источников почерпнутое, синодальным членом Филаретом архиепископом московским. СПб., 1822. С. 35–53; *Он же*. Житие преподобного и богоносного отца нашего Сергия, радонежского и всея России чудотворца, почерпнутое из достоверных источников, читанное в лавре его на всенощном бдении, июля 5 дня, 1822 года. [издано вместе с: Некоторые черты жития преподобного и богоносного отца нашего Сергия Радонежского, после смерти, то есть, некоторые сказания о его явлениях и чудотворениях, выписаны из книг и рукописей в 1834 году] М., 1836. ([2-е изд.] М., 1837; 3-е изд. М., 1852; 5-е изд. М., 1857; последующие изд.: М., 1859; М., 1867; СПб., 1878; М., 1880; М., 1888; М., 1891; Свято-Троицкая Сергиева лавра, 1898; Сергиев Посад, 1902) [первое изд. Жития: *Он же*. Слова к московской пастве, в первый год управления ею говоренные, и житие преподобного Сергия Радонежского и всея России чудотворца, из достоверных источников почерпнутое, синодальным членом Филаретом архиепископом московским. СПб., 1822. С. 291–341]; [перевод на франц. яз.: *La vie de Saint Serge, fondateur du couvent de Troitza (de la Très-Sainte trinité). Discours prononcé, le 5 de juillet 1822, par le Métropolitain Philarete, au Covent de Troitza. Saint-Petersbourg, 1841]; *Он же*. Житие преподобного и богоносного отца нашего Сергия Радонежского и всея России чудотворца (печатается в сокращении). [Сергиев Посад], 1915; *Он же*. Учение об искушениях, преподаваемое в слове в день обретения мощей преподобного Сергия, в лавре его, 5 июля 1834 г. СПб., 1839; *Он же*. К 500-летию юбилею преподобного Сергия. Письмо московского митрополита Филарета к оптинскому старцу иеросхимонаху Макарию. М., [1892]. (Отг.: Душеполезное чтение. 1892. № 9); *Он же*. Слово по освящении храма явления Божией Матери преподобному Сергию, устроенного над мощами преподобного Михея в Свято-Троицкой Сергиевой лавре в 27 день сентября 1842 года, говоренное синодальным членом Филаретом, митрополитом московским. М., 1842. [Другие изд.: Торжественное празднование 500-летия преставления преподобного и богоносного отца нашего Сергия, игумена радонежского чудотворца (25 сентября 1892 года). М., 1892. С. 42–47; *Он же*. Три слова в Бозе почившего Филарета, митрополита московского, в благоговейную память пятисотлетней годовщины преставления преподобного и богоносного отца нашего Сергия, радонежского чудотворца. М., 1892. С. 7–16; *Он же*. Да подражаем его вере. Слова, посвященные памяти преподобного Сергия, с приложением молебного канона преподобному Сергию, печатаемого по рукописи середины XVIII-го века. М., 2002. С. 67–76; *Он же*. Сергий Радонежский. М., 1991. С. 313–320]; *Он же*. Слово в день обретения мощей преподобного Сергия 1850 г. // *Он же*. Три слова в Бозе почившего Филарета, митрополита московского, в благоговейную память пятисотлетней годовщины преставления преподобного и богоносного отца нашего Сергия, радонежского чудотворца. М., 1892. С. 17–22. [Другое изд.: *Он же*. Да подражаем его вере. Слова, посвященные памяти преподобного Сергия, с приложением молебного канона преподобному Сергию, печатаемого по рукописи середины XVIII-го века. М., 2002. С. 41–46.]*

²⁹ *Житие и подвиги преподобного Сергия, игумена радонежского и всея России чудотворца*, составлено архимандритом Никонем // Сердце чисто созижди во мне, Боже! И дух прав обнови во утробе моей. Коломна, 1993. С. 9–28; *Никон (Рождественский Н. И.), [иеромонах, затем архимандрит, потом архиепископ]*. Житие и подвиги преподобного и богоносного отца нашего Сергия, игумена радонежского и всея России чудотворца. М., 1885. (2-е изд., испр. и доп. Сергиев Посад, 1891; 3-е изд. испр. и доп. Свято-Троицкая Сергиева лавра, 1898; 5-е изд., испр. и доп. Сергиев Посад, 1904.) [Другие издания: Житие преподобного Сергия [Загорск, 1989]; Житие преподобного Сергия Радонежского [М., 1991] (оба издания – репринт книги: *Он же*. Житие и подвиги преподобного и богоносного отца нашего Сергия, игумена радонежского и всея России чудотворца. 5-е испр. и доп. изд. Сергиев посад, 1904); *Он же*. Житие, чудеса и подвиги преподобного и богоносного отца нашего Сергия, игумена радонежского и всея России чудотворца. М., 1998 [переизд.: Сидней, 1991; М., 2000 (два издания); М., 2002 (два издания); М., 2003; М., 2005; М., 2008; М., 2009; М., 2010; М., 2011 (два издания); М., 2012]; *Он же*. Святой Преподобный Сергий Радонежский. СПб., 2005; *Он же*. Преподобный Сергий Радонежский. М., 2011 (Россия православная); Преподобный Сергий Радонежский. Житие, чудотворения, молитвы. М., 2002. С. 21–106 (в сокращении); в кн.: Преподобный Сергий Радонежский и русское монашество [сборник; сост. Яковлев А.]. М., 2013]. *Он же*. Смиранный Чудотворец. Золото и мишура. Поучение на день преподобного Сергия. М., 1882 (Благословение обители преподобного Сергия. № 134); *Он же*. Небесный гражданин Русской земли // Покров. Журнал духовно-нравственной культуры. 2013. № 11 (515). С. 4–7.

³⁰ *Алексий, Патриарх Московский и всея Руси*. Житие преподобного Сергия, радонежского чудотворца. 1319–1392 // Кольцо церковного празднования 800-летия Москвы. М., 1948. С. 27–41 [другая публ.: Журнал Московской патриархии. 1972. № 7. С. 63–68].

³¹ Подробнее: *Кисель В.* Житие преподобного Сергия Радонежского в русской агиографии (библиографический очерк) // Журнал Московской патриархии. 1993. № 1. С. 97–102; № 2. С. 100–103.

перепечаток различных вариантов жизнеописания Сергия Радонежского, которые снабжаются соответствующими комментариями издателей, продолжает успешно бытовать и поныне.

Все это привело к тому, что за этими переработками постепенно исчезала реальная фигура троицкого игумена, а сам облик Сергия все более и более приобретал трафаретный, схематичный вид, в соответствии с представлениями и вкусами последующих эпох. Подобное нередко бывает со старыми иконами, когда поверх первоначального изображения в процессе «поновления» пишется новое, хотя и близкое к оригиналу, но все же отличное от прежнего. В результате нескольких таких операций лик святого приобретает новые, нехарактерные для него черты.

То же самое можно сказать и о «Житии» Сергия Радонежского. По словам одного из биографов преподобного,

«этот памятник русской агиографии – один из самых сложных, если не самый сложный среди всех агиографических сочинений русского Средневековья. Представленное огромным количеством списков, что само по себе требует колоссального времени на их перекрестное сличение и установление последовательности различных переделок жизнеописания Сергия, Житие основателя подмосковного Троицкого монастыря изобилует такими подробностями из жизни Сергия, которые исключают одна другую. Так, одни списки Жития утверждают, что у Варфоломея (будущего Сергия) было два брата: старший Стефан и младший Петр; другие списки называют только одного старшего Стефана. Одни списки сообщают, что грамоте Варфоломея научил некий старец, случайно встреченный им в поле, другие местом встречи называют лес... В одних списках указывается, что Варфоломей постригся в монахи 20 лет, другие списки возраст молодого монаха определяют по-иному – 23 года. Одни списки утверждают, что церковь Троицы Сергей строил вместе с братом Стефаном, другие – что Сергей строил церковь один. В одних списках говорится, что Спасо-Андроников монастырь в Москве был основан по инициативе ученика и земляка Сергия, монаха Троице-Сергиева монастыря Андроника, другие – по обету митрополита всея Руси Алексея. Основателем другого московского монастыря – Симоновского – одни списки называют того же митрополита Алексея, другие – Алексея и великого князя Дмитрия и добавляют, что новооснованный монастырь получил особую грамоту константинопольского патриарха Нила. В одних списках рассказывается о том, что Сергей ушел из Троицкого монастыря на Киржач, чтобы найти там уединение, другие причиной ухода называют ссору Сергия со старшим братом Стефаном... Житие Сергия говорит, что Сергей был похоронен в основанной им церкви Троицы, но не сообщает, кто его отпевал, а Похвальное слово Сергию утверждает, что Сергей завещал погresti его вне церковных стен и потребовалось вмешательство митрополита Киприана, чтобы похоронить Сергия внутри церкви, где его отпевал сам Киприан».³² Эти несоответствия отмечали уже младшие современники Сергия. Не зря в некоторых списках его «Жития» не упоминается возраст, в котором он умер, если говорится о времени его рождения, и наоборот.³³

Чтобы восстановить истинный облик той или иной иконы, реставраторы используют широко известный прием – осторожно смывая позднейшие записи и наслоения, они открывают первоначальный вид изображения. Так же должен действовать и историк. Среди множества списков «Жития» Сергия он должен выбрать древнейшие и тем самым найти первоначальный текст этого памятника, который принадлежит перу Епифания Премудрого.

Однако уже в XIX в. выяснилось, что ни один из наиболее ранних списков «Жития» Сергия не содержит исходного текста, написанного первым биографом троицкого игумена. И

³² Кучкин В. А. Антиклассицизм // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2002. № 2 (8). С. 117–118.

³³ Бурейченко И. И. К вопросу о дате основания Троице-Сергиева монастыря // Сообщения Загорского государственного историко-художественного музея-заповедника. Вып. 2. Загорск, 1958. С. 4.

хотя в заглавиях некоторых из них и значилось имя Епифания Премудрого, все они дошли до нас в переработке Пахомия Логофета.

Тот факт, что у древнейших списков «Жития» Сергия оказалось два автора, поставил перед исследователем его биографии сложную дилемму выбора исходного источника. Мы не случайно заостряем внимание на этом вопросе. От нашего правильного выбора в конечном счете зависит то, каков будет воссозданный нами портрет основателя Троице-Сергиева монастыря. Особенно наглядно это видно, если сравнить два изображения преподобного, относящиеся к одному и тому же XV в.

Первое из них сохранилось на покрове, изготовленном сразу после «открытия мощей» святого в 1422 г. и положенном на раку Сергия. Вот как характеризует его искусствовед В. В. Нарциссов: «Высокая шапка волос, расчесанных на две стороны, обрамляет узкое скуластое, заметно асимметричное лицо преподобного, образуя своеобразный крутой килевидный очерк лба. Раскосые глаза по-разному ориентированы и близко сдвинуты к переносице. Взгляд обращен непосредственно к зрителю. Нос тонкий, прямой, с ровной плоской спинкой без каплевидного утолщения на конце. Ноздри небольшие, круглые, выделены контуром. Так же подчеркнута выделены крупные уши. Борода широкая, „лопатов“, но не округлая, а как бы неровно обрезанная снизу, не скрывает крупный волевой подбородок».

Следующий по времени создания покров середины XV в. был сделан, вероятно, после канонизации Сергия. «Лик сделался симметричнее, шире и округлее, форма прически ниже и уже, исчез характерный килевидный очерк вверху, лоб стал прямым, на него спадают редкие мелкие прядки волос. Отсутствует такая приметная деталь, как пробор, но появляется нечто, отдаленно напоминающее тонзуру. Кроме того, окладистая, ровная и округлая на конце борода полностью скрывает подбородок. Взгляд утратил былую концентрированность и остроту, свидетельствующую о внимательном и заинтересованном отношении к миру. Приподнятые к верхним векам зрачки, ровные линии широко расставленных бровей придают лику Сергия сдержанное и бесстрастное выражение самоуглубленного размышления, лишают его былой живости и актуальности. От старого остался узкий разрез глаз и заметно выступающие скулы, а кроме того, традиционный жест правой руки, прижатой ладонью к груди. Жесты рук также по-разному характеризуют изображения преподобного на обоих покровах. В первом из них кисть правой руки чуть прикрыта мантией, что придает движению поразительную достоверность и естественность, позволяет почувствовать его душевную теплоту. Левой рукой Сергей твердо сжимает свернутый свиток. На втором покрове жесты рук более условны и сдержанны, в них появляется едва заметный оттенок церемониальности. Они приносят в образ черты аскетического идеала молчаливства и нестяжательства, интонацию полной отрешенности от мирской суеты».³⁴

На взгляд искусствоведа, эти изменения изображений облика преподобного, по сути, полностью соответствуют характеру той переработки «Жития» Сергия, которую предпринял Пахомий. По определению В. О. Ключевского, «под пером Пахомия наряду с риторическими отступлениями исчезли и те живые, дорогие для историка черты, которые записал в Житие Епифаний по личным воспоминаниям или рассказам очевидцев... Пахомий, — добавляет он, — относился к своему труду преимущественно как стилист, равнодушный к историческому факту».³⁵

³⁴ Нарциссов В. В. Проблемы иконографии преподобного Сергия Радонежского // Древнерусское искусство. Сергий Радонежский и художественная культура Москвы XIV–XV вв. СПб., 1998. С. 54–55. Оба изображения помещены на с. 42, 45. *Он же*. Шитый покров Сергия Радонежского // Древнерусское и народное искусство. Сообщения Загорского музея-заповедника. М., 1990. С. 28–38. См. также: Гордеева Л. Два покрова преподобного Сергия Радонежского // Новая книга России. Православный иллюстрированный ежемесячный журнал-обозрение. 2000. № 10. С. 55–58.

³⁵ Ключевский В. О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1988. С. 130, 131.

Поскольку у наиболее ранних текстов «Жития» оказалось два автора, вполне понятно, откуда взялись противоречия между отдельными его списками при характеристике тех или иных эпизодов биографии Сергия. Тем самым в руках у исследователей появился четкий критерий для определения подлинности или сомнительности фактов жизни основателя Троице-Сергиева монастыря. Епифаний Премудрый, в отличие от Пахомия Логофета, знал преподобного лично, и поэтому в спорных случаях следует доверять именно Епифанию. Для дальнейшего изучения памятника следовало найти списки, отразившие первоначальный текст Епифания. Однако поиски оказались безрезультатными. В 1871 г. В. О. Ключевский с горечью констатировал: «...доселе неизвестен список, который можно было бы признать подлинным текстом написанного Епифанием Жития Сергия, без дополнений, внесенных в него позднейшей рукой». Вместе с тем историк попытался определить, какую часть «Жития» написал Епифаний Премудрый, а какую – Пахомий Логофет. В частности, В. О. Ключевский обратил внимание на то, что в предисловии к «Житию» (которое могло принадлежать только Епифанию) содержится план дальнейшего изложения, где автор намечал рассказать биографию Сергия начиная с рождения святого вплоть до его кончины. В послесловии к памятнику, составленному Пахомием, говорилось, что Епифаний «по ряду сказаше о рождении его и о возрасте и о чудотворении (при жизни), о житии же и о преставлении». Отсюда В. О. Ключевский сделал вывод о том, что Епифаний описал земную жизнь преподобного, а Пахомий добавил в него рассказ об обретении мощей (это произошло уже после смерти Епифания) и о последующих чудесах. Но данное наблюдение историка никак не объясняло отмеченные выше противоречия в характеристике отдельных эпизодов жизни Сергия. Исследователь предложил более сложное объяснение. Анализируя некоторые из списков «Жития», он обратил внимание на то, что первая часть памятника стилистически отличается от второй. Этот факт он объяснил тем, что в силу ряда причин Пахомий Логофет переделал редакцию своего предшественника.³⁶ Данный вывод историка получил развитие в дальнейшей исследовательской литературе. Так, В. М. Яблонский, рассмотрев одну из групп списков «Жития» и назвав ее «редакцией Е», отмечал, что «в первой ее части... мы имеем, по-видимому, текст наиболее близкий к тексту Епифания». Вместе с тем оставалось неясным, какая именно часть «Жития» может быть точно охарактеризована как принадлежащая перу первого биографа преподобного – Епифания Премудрого.³⁷

Эту трудоемкую и скрупулезную работу сумел проделать Б. М. Клосс. Выявив более 400 рукописей, содержащих «Житие» Сергия, он сравнил списки, определил редакции и дал картину их сменяемости. Благодаря этому исследователю удалось выявить текст, который принадлежал перу Епифания. Ученый писал: «В рукописях XVI в. была обнаружена редакция Жития Сергия, не похожая на известные Пахомиевские переработки. В названии ее значится имя Епифания, а в предисловии явно проступают черты младшего современника Сергия Радонежского, общавшегося с келейником преподобного, его старшим братом Стефаном и со старцами, помнившими молодые годы Сергия. По словам автора, он начал собирать материалы для биографии Сергия через год или два после кончины святого старца и закончил свой труд только через 26 лет после смерти Сергия, то есть в 1418–1419 гг. Стилистические признаки сближают предисловие и последующий текст, кончая главой „О худости порт Сергиевых и о некоем поселянине“ с другими произведениями Епифания Премудрого... Остальная половина памятника представляет компиляцию из известных редакций Пахомия Логофета». И далее ученый приходит к заключению, что «фрагмент Пространной редакции Жития Сергия XVI в., начинающийся с предисловия и кончающийся главой „О худости порт Сергиевых и о некоем

³⁶ Там же. С. 98–110, 114–118.

³⁷ Яблонский В. М. Пахомий Серб и его агиографические писания: биографический и библиографически-литературный очерк. СПб., 1908. С. 69; Zubov B. P. Епифаний Премудрый и Пахомий Серб (к вопросу о редакциях «Жития Сергия Радонежского» // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. IX. М.; Л., 1953. С. 145–158.

поселянине“, является первой частью епифаньевского Жития Сергия (вторая же половина, подвергшаяся тенденциозной переделке, вряд ли сохранилась до нашего времени)». ³⁸ Благодаря этому открытию Б. М. Клосса историки получили возможность воссоздавать первую половину жизни Сергия не по случайно набранным фактам из разных переделок его «Жития», а на основании наиболее надежных сведений, содержащихся в древнейших редакциях. Блестящий анализ всей совокупности сохранившихся материалов, проделанный Б. М. Клоссом, является серьезной основой для всех последующих исследователей.

К сожалению, современникам трудно порой оценить значение того или иного открытия. В этом смысле довольно характерна позиция авторов рецензии на книгу Б. М. Клосса с названием «Имитация науки». Весь смысл его открытия они видят лишь в том, что «он обнаруживает черты протографичности» в двух списках и датирует Пространную редакцию серединой 20-х гг. XVI в. Ставя ему в вину то, что он не учел при характеристике «Жития» Сергия двух списков, рецензенты, правда, оговариваются, что «вряд ли следует упрекать исследователя в том, что он не учел все списки памятника. Это чрезвычайно трудно, если не сказать невозможно, поскольку Житие очень часто встречается в составе сборников, а огромная часть таких сборников не имеет постатейного описания». ³⁹ Примерно такой же характер носит негативная рецензия В. А. Кучкина на работу Б. М. Клосса. При этом в пылу спора критик, не находя нужных аргументов, порой заменяет их простой бранью, тем самым выходя за рамки правил ведения научной полемики. ⁴⁰

К археографическим выводам Б. М. Клосса мы можем добавить лишь пару незначительных уточнений. В частности, следует задать вопрос: если исследователю удалось обнаружить текст первой части «Жития» Сергия, принадлежащий перу Епифания Премудрого, то нельзя ли отыскать под позднейшими напластованиями следы и другой части труда первого биографа преподобного? На эту мысль наталкивает высказанное ученым предположение о существовании когда-то и второй части текста Епифания.

Однако на этот вопрос следует дать отрицательный ответ – судя по всему, ее никогда не существовало. Обратившись к предисловию, написанному Епифанием, легко заметить, что агиограф нигде не заявляет о том, что закончил свой труд, а сообщает о том, что лишь приступил к его написанию, надеясь завершить его полностью. Однако, как уже говорилось, этого ему не удалось.

Таким образом, в руках у биографов Сергия оказалось два варианта «Жития» преподобного, отличающиеся между собой. Но при этом текст, составленный Епифанием Премудрым, доводит изложение лишь до середины жизненного пути Сергия. Другой вариант, автором которого является Пахомий Логофет, рассказывает обо всей жизни святого. Какой из них следует выбрать для воссоздания биографии преподобного?

Общие правила источниковедения рекомендуют использовать более ранние по времени сохранившиеся списки. Сложность, однако, заключается в том, что труды Пахомия, начавшего работать над биографией Сергия лишь в 1439 г., сохранились до нашего времени в более ранних списках, чем написанные Епифанием «Похвальное слово Сергию Радонежскому» и «Житие». Поэтому в данном случае мы должны пренебречь общим правилом и для характеристики первой половины жизни преподобного взять за основу текст Епифания, хотя он и дошел в списках более позднего времени. Главным доводом при этом для нас стало то, что, в отличие от Пахомия Логофета, Епифаний Премудрый знал Сергия не понаслышке, будучи иноком обители еще при самом преподобном. Важно также отметить ту тщательность, с которой Епи-

³⁸ Клосс Б. М. Указ. соч. С. 20–21. (Текст составленного Епифанием «Жития» Сергия опубликован на с. 285–341.)

³⁹ Бобров А. Г., Прохоров Г. М., Семячко С. А. Имитация науки // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. LIII. СПб., 2003. С. 439–440.

⁴⁰ Кучкин В. А. Антиклоссицизм // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2002. № 2 (8). С. 113–123; № 3 (9). С. 121–129; № 4 (10). С. 98–113; 2003. № 1 (11). С. 112–118; № 2 (12). С. 127–133; № 3 (13). С. 112–130; № 4 (14). С. 100–122; 418–445.

фаний работал над «Житием». Осознавая все значение фигуры Сергия, он стремился донести до потомства даже малейшие детали из жизни того, кого уже начинали почитать святым. Для этого он, не надеясь только на собственные воспоминания, расспрашивал старшего брата Сергия Стефана, собирал сведения о нем от Сергиева келейника, выпытывал подробности от старцев обители – «самовидцев» троцкого игумена. Эта работа, по собственному признанию Епифания, заняла у него более двух десятилетий.⁴¹

Выявление истории создания текстов Епифания и Пахомия позволяет увидеть их основное отличие друг от друга. Если первый из агиографов, не имея четкого заказа написать произведение, которое должно было соответствовать определенным, достаточно строгим канонам, старался сохранить на бумаге даже мельчайшие детали из жизни Сергия, то второй, составляя свое сочинение для предстоящего прославления Сергия, осуществлял их целенаправленный отбор, оставляя без внимания те факты, которые не укладывались в жесткие каноны житий, и добавляя те подробности «чудотворений», которые были необходимы для канонизации.

Отсюда вытекает и другое различие. Если Епифаний четко придерживался биографической канвы, помещая одно событие за другим в строгой хронологической последовательности, то для Пахомия главной стала сюжетная основа и он излагал факты из жизни Сергия не всегда в соответствии с тем, в каком порядке они происходили в реальности. Лишь когда ему указывали на эти ошибки, он исправлял их в более поздних вариантах своего труда. Так, в третьем варианте «Жития» он поместил возникновение Андроникова монастыря перед основанием Симонова, хотя первоначально очередность появления этих обителей излагалась прямо противоположным образом.

Вместе с тем, сделав выбор в пользу сочинения Епифания, мы сталкиваемся с трудностью методологического характера – каким образом следует анализировать данный памятник? Тот факт, что агиографом были использованы в основном, если не исключительно, лишь устные рассказы современников, наложил известный отпечаток на само «Житие». В нем мы не встретим точных дат, а находим лишь последовательную смену эпизодов биографии Сергия, когда можно говорить только о том, что данное событие произошло раньше или позже другого. Это характерно для всех мемуаров, написанных по устным рассказам. Как правило, рассказчики предпочитают излагать общий ход событий, а не сосредотачиваться на датах. Такова особенность человеческой памяти, и с этим надо считаться.

Тем не менее у исследователя имеется возможность установить действительную хронологическую шкалу почти всех важнейших событий жизни Сергия. Обычно рассказчик на вопрос слушателя: когда произошло то или иное событие? – приурочивает его к другому, более заметному, дату которого можно выяснить из других источников. Не являлись в этом смысле исключением и собеседники Епифания, кого он расспрашивал о жизни преподобного. Именно это обстоятельство является для нас ключевым в определении точных дат жизни Сергия.

Этот же метод можно применить и для анализа второй половины биографии Сергия, основные факты которой мы черпаем из сочинения Пахомия, содержащего порой уникальную, нигде более не встречающуюся информацию о жизни троцкого игумена. Конечно, отсутствие строгой хронологической последовательности в рассказе Пахомия, пропуск им отдельных эпизодов биографии Сергия, определенная «лакировка» его личности серьезно затрудняют восстановление подлинной жизни Сергия Радонежского. Тем не менее благодаря тому, что Епифанию Премудрому удалось довести жизнеописание троцкого игумена до 1363 г., а вскоре имя Сергия начинает встречаться на страницах летописей и в других источниках, у нас появляется возможность дать временную «привязку» изложенных Пахомием фактов жизни Сергия, а также дополнить рассказ теми сюжетами, которые были сознательно пропущены агиографом.

⁴¹ Там же. 2002. № 2 (8). С. 286–287.

Итак, обратимся непосредственно к «Житию» Сергия Радонежского, точнее, той части, которая вышла из-под пера Епифания Премудрого.

Глава 1

Начало пути

Вопрос о дате рождения Сергия Радонежского. Определение времени рождения преподобного. Переезд семейства Кирилла в Радонеж. Различные версии датировок этого события. Соотнесение его с началом княжения Семена Гордого. Получил ли Кирилл земли в Радонеже? Правовой статус земель. Устройство выходцами из Ростова родового богомолья – Покровского монастыря в Хотькове. Пострижение родителей Сергия в этой обители. Их кончина. Желание Сергия удалиться из мира. Основание Сергием вместе с братом Стефаном Троице-Сергиева монастыря. Уход Стефана в Москву. Пострижение Сергия игуменом Митрофаном. Установление даты этого события. Жизнь Сергия в одиночестве. Определение ее продолжительности. Приход первых монахов. Характер Троице-Сергиева монастыря в это время. Смерть Митрофана

В своем рассказе Епифаний Премудрый сообщает, что будущий святой, получивший при рождении имя Варфоломей, родился в семье ростовского боярина Кирилла и его жены Марии.⁴² В сочинениях, посвященных основателю Троицкого монастыря, встречается несколько дат его появления на свет.

В старой литературе фигурировала дата 3 мая 1319 г.⁴³ Высказывалось также мнение, что Сергий появился на свет в 1313 или в 1318 г.⁴⁴ Среди современных исследователей бытуют по крайней мере три даты появления на свет преподобного. По мнению Н. С. Борисова, это событие произошло 3 мая 1314 г., по данным В. А. Кучкина – 3 мая 1322 г., а на взгляд Б. М. Клосса – в конце мая того же 1322 г.⁴⁵ Датой рождения Сергия также назывались 11 июня и 25 августа 1322 г.⁴⁶

Этот разноречивый набор мнений дал основание известному писателю Валентину Распутину с горечью утверждать, что «год рождения отрока Варфоломея потерян».⁴⁷

Действительно, в «Житии» Сергия не указано точное время его рождения. Но его можно выяснить из текста Епифания Премудрого. Дело в том, что, уточняя время появления преподобного на свет, он определил, что это произошло «в лета благочестиваго преславнаго дръжавнаго царя Ан-дроника, самодръжца гречьскаго, иже въ Цариграде царствовавшего, при архиепископе Коньстантина града Ка-листe, патриарсе вселеньскомъ, въ земли же Русстей въ княжение великое тферьское при великом князе Димитрии Михайловиче, при архиепископе пресвященнем Петре, митрополите всеа Руси, егда (когда была. – Авт.) рать Ах-мулова».⁴⁸

Посмотрим, когда жили упомянутые агиографом люди. Император Андроник II Палеолог правил в Византии с 1282 по 1328 г. Затем на троне его сменил Андроник III, царствовавший с 1328 по 1341 г. Правда, Епифаний не уточняет, о котором из них идет речь, поэтому временные рамки весьма расширяются. Некоторое противоречие содержит упоминание пат-

⁴² Клосс Б. М. Избранные труды. Т. 1. Житие Сергия Радонежского. М., 1998. С. 290.

⁴³ Никон, иеромонах. Житие и подвиги преподобного и богоносного отца нашего Сергия, игумена радонежского и всея России чудотворца. М., 1885. С. 8.

⁴⁴ См.: Ключевский В. О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1988. С. 104–105.

⁴⁵ Борисов Н. С. Сергий Радонежский. М., 2002. С. 13; Клосс Б. М. Избранные труды. Т. 1. С. 27; Кучкин В. А. Сергий Радонежский. С. 75.

⁴⁶ Скрышников Р. Г. Митрополит Алексей и Сергий Радонежский. М., 1990. (Сер.: Атеизм и религия: история, современность. 1990. № 6). С. 37.

⁴⁷ Распутин В. Ближний свет издалека // Россияне. 1991. № 9. С. 8. [Другие публикации: Сергий Радонежский. М., 1991. С. 520–536; Ближний свет издалека. Сергий Радонежский – вчера, сегодня, всегда. Иркутск, 1992. С. 9–28; Преподобный Сергий Радонежский. Сборник. Составитель Соколова Т. А. М., 1996. С. 333–347].

⁴⁸ Клосс Б. М. Избранные труды. Т. 1. С. 297.

риарха Каллиста, который занимал патриаршую кафедру в 1350–1353 и 1355–1362 гг., то есть уже после смерти двух Андроников. В свое время это несоответствие вызвало довольно много споров в ученой среде, пока не выяснилось, что дата патриаршества Каллиста была искажена в источнике, которым пользовался Епифаний. Поскольку даты, как известно, тогда обозначались буквами, небольшая описка всего в одном месте привела к тому, что вместо правильного: 6858 г. (от Сотворения мира) было написано 6828. Эта ошибка дала основание агиографу считать, что Каллист стал патриархом в 1320 г. и, следовательно, Сергей родился в его правление.⁴⁹

Более точными оказываются даты, связанные с жизнью русских деятелей. Тверской князь Дмитрий Михайлович стал великим князем Владимирским в 1322 г., а митрополит Петр управлял Русской церковью с 1308 по 1325 г. Таким образом, оказывается, что, согласно времени деятельности названных лиц, Сергей Радонежский родился в промежуток между 1322 и 1325 гг. Окончательно же год рождения преподобного позволяет установить упоминание «Ахмуловой рати». Речь в данном случае идет о нападении на русские земли татарской рати под предводительством Ахмыла. Судя по летописям, это случилось в 1322 г.⁵⁰

Н. С. Борисов, отвергая 1322 г. в качестве даты рождения Сергия, отметил, что в русских летописях Ахмыл упоминается не только в 1322 г., но и за пять лет до этого – в 1318 г. В свое время это обстоятельство дало основание некоторым исследователям полагать, что Сергей появился на свет около 1318 г.⁵¹ Однако обращение к тексту летописного известия обнаруживает, что в конце лета 1318 г. Ахмыл появился на Руси лишь как посланец хана Узбека к тверскому князю Михаилу Ярославичу.⁵² Епифаний же говорит об «Ахмуловой рати», что прямо указывает на 1322 г.

И все же исследователь продолжает настаивать на том, что Сергей появился на свет в 1314 г. Это объясняется тем, что для воссоздания биографии преподобного он выбрал «Житие», написанное Пахомием Логофетом. Выше уже отмечалось, что биография Сергия, написанная Епифанием, доведена лишь до середины его жизненного пути. Вариант, принадлежащий перу Пахомия Логофета и доводящий изложение до кончины святого, на этом фоне выглядит предпочтительнее, и не случайно именно он стал основой жизнеописания, признанного Церковью. Мы специально акцентировали внимание на данном обстоятельстве, поскольку различные варианты «Жития» указывают разное количество лет, прожитых Сергием. Если Епифаний (в «Похвальном слове Сергию Радонежскому», предшествовавшем его работе над «Житием») говорит лишь о 70 годах жизни преподобного, то Пахомий сообщает, что Сергей прожил 78 лет. Зная точную дату смерти троицкого игумена (25 сентября 1392 г.), нетрудно подсчитать, взяв датировку Пахомия, что Сергей Радонежский родился в 1314 г. По Епифанию, это событие произошло восемью годами позже и, соответственно, приходится на 1322 г.

При этом одним из решающих доводов в пользу «Жития», написанного Пахомием, помимо его полноты, для Н. С. Борисова стало то, что хронология этого жизнеописания подтверждается и другими источниками. Так, согласно Вкладной книге Троице-Сергиева монастыря, преподобный игуменствовал в продолжение 48 лет.⁵³ Зная о смерти Сергия в 1392 г., легко установить, что возглавил он обитель в 1344 г. Между тем церковные уставы требовали (и это правило обычно соблюдалось), чтобы игумен был не моложе 30 лет. Отсюда выходит 1314 г., о котором Пахомий говорит как о дате рождения Сергия. Если же взять за основу показания Епифания, что будущий святой родился в 1322 г., то оказывается, что в 1344 г. ему исполнилось всего 22 года, и тем самым начало его игуменства в этом году исключается совер-

⁴⁹ Это было выяснено в 1992 г. М. В. Бибиковым (См.: Кучкин В. А. Антиклассицизм // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2002. № 2 (8). С. 122).

⁵⁰ Полное собрание русских летописей. Т. XVIII. Симеоновская летопись. М., 2007. С. 89. (Далее – ПСРЛ.)

⁵¹ Борисов Н. С. Указ. соч. С. 281.

⁵² ПСРЛ. Т. XXV. Московский летописный свод конца XV в. М., 2004. С. 162.

⁵³ Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. М., 1987. С. 15.

шенно.⁵⁴ Однако, как будет показано ниже, игуменом Сергей стал лишь в 1354 г., и поэтому данный вариант не может быть принят.

И все же правильной следует признать хронологическую систему Епифания. Дело в том, что Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря, сообщая, что «преподобный игумен Сергей чудотворец игуменил 48 лет» и помещая его в списке игуменов первым, ничего не говорит о том, что, согласно «Житию», первым игуменом до Сергея был постригший его в монахи Митрофан. Таким образом, указанные в этом источнике 48 лет говорят не о годах, проведенных Сергием в сане игумена, а обо всем сроке – от основания обители до кончины преподобного.

Пытаясь выяснить, у кого возникла ошибка, Б. М. Клосс обратил внимание на рассказ Пахомия, где тот сообщает о смерти Сергея и уточняет, что он «жив лет 78, положи-ша же честное его тело въ монастыри».⁵⁵ Поскольку в Древней Руси, как известно, существовало буквенное обозначение цифр, Б. М. Клосс предположил, что в более раннем списке эта фраза звучала несколько иначе: «жив лет 70 и положиша честное его тело въ монастыри». При переписке союз «и» был воспринят писцом как цифра 8, и текст был понят так, что Сергей прожил 78 лет.⁵⁶

Н. С. Борисов в принципе согласился с тем, что такое объяснение вполне возможно, а значит, достоверной следует признать хронологию «Жития», предложенную Епифанием. Но при этом, по его мнению, нельзя упускать из виду и другую возможность: в первоначальном тексте Епифания был указан 78-летний возраст Сергея, однако за несколько десятилетий при переписке текстов цифра 8, обозначенная буквой «и», была в одном из списков вычеркнута переписчиком, принявшим ее за лишний союз «и». Этот дефектный список положил начало всему семейству списков «Жития» и «Похвального слова» Епифания, самые ранние из которых дошли до нас лишь от 1450-х гг. Пахомий же, начав работу над жизнеописанием Сергея за полтора десятилетия до этого, имел в своем распоряжении верный список сочинений Епифания, откуда и почерпнул сведения о 78 годах, прожитых преподобным.⁵⁷

Вместе с тем у нас имеется возможность выяснить не только год рождения Сергея, но и точную дату его появления на свет. По весьма обоснованному предположению, он получил свое мирское имя Варфоломей в честь одного из двенадцати апостолов, память которого отмечалась 11 июня (Варфоломей и Варнава), 30 июня (в числе 12 апостолов) и 25 августа (перенесение мощей). Исследователи более склоняются к 11 июня, когда имя апостола Варфоломея особенно почиталось.⁵⁸ Епифаний сообщает, что имя младенцу дали «по днехъ шестихъ седмицъ, еже есть четверо-десятный день по рождестве его»,⁵⁹ то есть крещение ребенка произошло через сорок дней после его рождения. Таким образом, отсчитав назад сорок дней от 11 июня, можно выяснить дату рождения Сергея. Именно так поступил В. А. Кучкин, определив день «рождества» будущего святого как 3 мая 1322 г.⁶⁰

Но насколько это соответствует реальности? Б. М. Клосс поставил вопрос: действительно ли на Руси в XIV–XV вв. существовало правило, по которому младенцев крестили именно на сороковой день после их рождения? Обратившись к летописям, исследователь выявил несколько десятков случаев, доказывающих, что такого обычая просто не существовало. В княжеских семьях детей крестили по-разному: иногда в день рождения, но чаще через несколько дней, обычно в пределах одной-двух недель.

⁵⁴ Борисов Н. С. Указ. соч. С. 281–282.

⁵⁵ Клосс Б. М. Избранные труды. Т. I. С. 374.

⁵⁶ Там же. С. 23.

⁵⁷ Борисов Н. С. Указ. соч. С. 281–282.

⁵⁸ Здесь и далее все даты даются по старому стилю.

⁵⁹ Клосс Б. М. Избранные труды. Т. I. С. 292.

⁶⁰ Кучкин В. А. Сергей Радонежский. С. 75.

Другим доводом, заставившим исследователя усомниться, стал общеизвестный факт, что всякое житие должно было составляться по определенным канонам. Неудивительно, что при жизнеописании святых биографы нередко использовали уже готовые трафареты. Сопоставляя написанное Епифанием «Житие» Сергия с другими житиями, бытовавшими в то время на Руси, он обратил внимание на то, что эпизод «Жития» о крещении Сергия во многом перекликается с аналогичным эпизодом из «Жития» Феодора Эдесского, где также говорится о крещении младенца на сороковой день. То, что Епифаний знал «Житие» Феодора Эдесского и, более того, пользовался им, доказывает прямая ссылка на него в тексте «Жития» Сергия.⁶¹ Так что, на его взгляд, данное сообщение имеет скорее литературное происхождение, нежели реальное основание.

Если эпизод с крещением Варфоломея представляет по сути трафаретный шаблон, можно предположить, что преподобный родился не строго за сорок дней до своего крещения 11 июня, а гораздо ближе к этой дате. Но когда именно?

Определяя возможное время появления Сергия на свет, Б. М. Клосс указал на легенду, рассказанную Епифанием в «Житии». Мать преподобного, будучи беременна им, пришла, по обычаю, в одно из воскресений на литургию в церковь. Во время службы, к крайнему изумлению всех присутствовавших в храме, находившийся в ее чреве младенец три раза кричал громким голосом («верещати», как выражается агиограф), именно – перед чтением Евангелия, перед пением херувимской песни и при возгласении священником «святая святым». Эти знамения были истолкованы в том смысле, что будущий младенец «явится ученик Святыя Троица» и будет «сосуд избран Святому Духу».⁶² Последнюю фразу, по мнению ученого, можно истолковать как указание на церковный праздник Сошествия Святого Духа на апостолов, отмечаемый на 50-й день после Пасхи. В 1322 г. он приходился на 30 мая. Поскольку эту дату отделяет от дня крещения Варфоломея (11 июня) чуть менее двух недель (обычный срок для крещения младенцев), Б. М. Клосс предположил, что предопределение младенца Святой Троице было связано, скорее всего, с его рождением в дни празднования Сошествия Святого Духа, а следовательно, он появился на свет 29–31 мая 1322 г.⁶³

Однако вряд ли возможно согласиться с тем, что эпизод с крещением преподобного имеет литературное происхождение. Это предположение противоречит заявлению самого Епифания, указывавшего на скрупулезность и тщательность сбора им любых, даже незначительных деталей из жизни будущего святого. Епифанию Премудрому, лично знавшему Сергия и хорошо знакомому со многими его современниками, которые также близко общались с ним, без сомнения, была известна точная дата появления будущего святого на свет. Поэтому показания агиографа о том, что младенец был окрещен на сороковой день после рождения, следует признать реальными.

Как следствие этого, к истине гораздо ближе точка зрения В. А. Кучкина, полагающего, что Сергий родился 3 мая 1322 г. С его выводом можно было бы полностью согласиться, если бы не одно но. Выясняя дату появления Сергия на свет, исследователь не обратил внимания на показание Епифания, что между рождением и крещением будущего святого прошло шесть недель («по днехъ шестих седмиц»), иными словами, 42 дня. Вместе с тем агиограф тут же говорит о сорока днях. Это противоречие объясняется тем, что Епифаний при подсчете использовал не привычный нам «включающий» счет, при котором срок отсчитывается с самого момента события, а более древний «исключающий», когда тот или иной период времени исчисляют со следующего дня. Таким образом, оказывается, что будущий святой родился 1 мая

⁶¹ Клосс Б. М. Избранные труды. Т. I. С. 296.

⁶² Там же С. 290–291, 293.

⁶³ Там же. С. 23–27. Ср.: Кириллин В. М. Епифаний Премудрый: умозрение в числах о Сергии Радонежском // Герменевтика древнерусской литературы. Сб. 6. Ч. 1. М., 1994. С. 80–120.

1322 г., а не двумя днями позже, как полагает В. А. Кучкин. Приведенная ниже табличка со всей очевидностью показывает, что между днем рождения и крещения Сергия прошло ровно сорок дней. При этом, если включить в счет сами дни рождения и крещения, в итоге как раз получатся те шесть недель, о которых и говорит Епифаний.⁶⁴

Дни недели	Май — июнь 1322 г.						
Понедельник		3	10	17	24	31	7
Вторник		4	11	18	25	1	8
Среда		5	12	19	26	2	9
Четверг		6	13	20	27	3	10
Пятница		7	14	21	28	4	11
Суббота	1	8	15	22	29	5	
Воскресенье	2	9	16	23	30	6	

Вместе с тем у нас все же остается вопрос: почему Варфоломея окрестили, вопреки установившейся практике, так поздно? Ответ на него дает тот же Епифаний. Младенец, очевидно, появился на свет довольно ослабленным – нередко он не мог есть и отказывался от пищи, даже когда ему привели кормилицу.⁶⁵ Свою роль здесь, несомненно, сыграли прокатывавшиеся по Ростовской земле частые «глады хлебные», о которых упоминает агиограф.⁶⁶ Понятно, что по физическому состоянию ребенка родители на время откладывали его крещение и решились на этот шаг, когда затягивать дальше его было уже просто невозможно.

То, что подобные случаи встречались в это время, доказывает приведенный В. А. Кучкиным пример. 15 сентября 1298 г. у тверского князя Михаила Ярославича родился первенец Дмитрий. Небесным патроном княжича стал Дмитрий Солунский, память которого отмечалась 26 октября. Между этими двумя событиями, как и в случае с Сергием Радонежским, прошло ровно сорок дней (по «исключающему» счету), или 42 дня (по «включающему».⁶⁷

Из дальнейшего рассказа «Жития» становится известно, что семейство ростовского боярина проживало не в самом городе. По словам Епифания, «жил Кирилъ не в коей веси (то есть в некоем селении. – *Авт.*) области оной, иже бе въ пределех Ростовскаго княжения, не зело близ града Ростова».⁶⁸ Старинное ростовское предание утверждает, что усадьба Кирилла находилась в селе Варницы, в трех верстах от города, на левом берегу речки Ишни, впадающей в озеро Неро. Полагают, что село получило свое название по находившимся близ него соляным варницам. Позднее, уже в середине XV в., здесь был основан Троице-Варницкий монастырь.⁶⁹

⁶⁴ К сожалению, изложенные выше доводы не были услышаны светскими и духовными властями при объявлении 2014 г. годом 700-летия со дня рождения Сергия Радонежского, хотя сомнения в этой дате высказывались не только светскими, но и церковными историками (См.: *Цыпин В.* К вопросу о дате рождения преподобного Сергия Радонежского // Сретенский сборник. Научные труды преподавателей Сретенской духовной семинарии. Вып. 2. М., 2010. С. 230–243).

⁶⁵ *Клосс Б. М.* Избранные труды. Т. I. С. 293–294.

⁶⁶ Там же. С. 303.

⁶⁷ *Кучкин В. А.* Антиклоссицизм. С. 121.

⁶⁸ *Клосс Б. М.* Избранные труды. Т. I. С. 303.

⁶⁹ О нем см.: *Титов А. А.* Историческое описание Троицко-Варницкого заштатного мужского монастыря близ Ростова Великого Ярославской губернии. Сергиев Посад, 1893; Родина преподобного Сергия Радонежского чудотворца. Ростовский Троице-Варницкий монастырь. М., 1898 [переизд.: М., 1899; 2-е изд.: М., 1900; М., 1901]; Жизнь и чудеса преподобного Сергия Радонежского чудотворца с рисунками и кратким описанием Троице-Варницкого монастыря, место родины преподобного Сергия. М., 1897. С. 96–98; Ярославская епархия в описании прот. Иоанна Троицкого. Вып. 1. Заштатные монастыри Петровский, Белогостицкий и Варницкий. 1901; *Вахрина В.* Родина преподобного Сергия // Московский журнал. 1992. № 7. С. 7–8; *Виденеева А. Е.* Введенская церковь Варницкого монастыря // Памятники истории и архитектуры Европейской России. Нижний Новгород, 1995. С. 202–205; *Она же.* К истории Ростовского Троице-Варницкого монастыря // Троице-Сергиева лавра в истории, культуре и духовной жизни России. Материалы международной конференции 29 сентября – 1 октября 1998 г. М., 2000. С. 196–208; *Вахрина В. И.* Троице-Сергиев Варницкий мужской монастырь в Ростове Великом. Родина Преподобного Сергия Радонежского. Рыбинск, 2014; Радонеж, Варницы, Хотьково (К 700-летию преподобного Сергия Радонежского) //

Впрочем, поскольку агиограф не дает имени села, а о Варницах как родине Сергия говорит лишь устное предание, была предпринята попытка отыскать место вотчины Кирилла. В частности, С. В. Городилин указал на село Тор-мосово, в 25 км от Ростова, в верховьях реки Ухтомы, близ дороги от Ростова на Суздаль. Его название восходит к фамилии Тормосовых, являвшихся соседями, а возможно, и родственниками Кирилла, впоследствии переселившись с ним в Радонеж. Очевидно, где-то рядом, по мнению исследователя, должно было находиться и родовое село Кирилла.⁷⁰

Варфоломей был средним сыном Кирилла: помимо него в семье росли старший брат Стефан и младший Петр. Семи лет от роду (то есть в 1329 г.) мальчика отдали учиться грамоте, но она давалась ему крайне трудно, его наказывали, и паренек часто обращался в молитвах к Богу с просьбой помочь ему в учебе. Все это привело к развитию ранней религиозности подростка: когда ему не было еще и 12 лет, мать попрекала его за излишнее молитвенное рвение: «И двоя на десять не имаша лет, грехи поминаеши. Кыя же имаша грехы?»⁷¹ Так проходило в пределах Ростовского княжества детство будущего святого.

Позднее произошли события, заставившие семью навсегда покинуть родные пределы. Его отец Кирилл, будучи когда-то богатым человеком, «напослед на старость обнища и оскуде». Виной разорения семьи, как пишет Епифаний, стали частые «хоженья» с князем в Орду, где необходимо было раздавать щедрые подарки хану и ордынским вельможам, нередкие приемы татарских послов, которых приходилось кормить вместе с их многочисленной свитой, а также тяжкие ордынские «дани и выходы». Ситуацию усугубляли неоднократно накатывавшиеся на Ростовскую землю «рати татарские» и, наконец, частые «глады хлебные».⁷²

Начало оскудения семьи ростовского боярина Епифаний Премудрый относит ко времени, «егда бысть великаа рать татарская, глаголемаа Федорчюкова Туралыкова, егда по ней за год единъ наста насилowanie, сиречь княжение великое досталоя князю великому Ивану Даниловичю, купно же и досталоя княжение Ростовское к Москве». Затем по велению великого князя в Ростов приехали московский воевода «именем Василий, прозвище Кочева, и с нимъ Мина». Жители Ростова претерпели от москвичей многочисленные издевательства и притеснения – многих ростовчан ограбили, изранили и изувечили. Описывая московские насилия, Епифаний упоминает и о том, что «епарха градскаго, старей-шаго боярина ростовскаго, именем Аверкия, стремглавъ обесиша (повесили. – *Авт.*), и възложиша на руце свои, и оставиша поругана». И далее: «И бысть страх великъ на всех слышащих и видящих сия, не токмо в граде Ростове, но и въ всех пределех его». В этих условиях Кирилл, не дожидаясь худшего, счел за благо покинуть Ростовское княжество и перебраться в более безопасный Радонеж.⁷³

Когда произошло переселение семьи? Поскольку это событие стало переломным в жизни Сергия, его датировка явилась предметом особого внимания историков. Самым легким здесь оказалось определение времени «Федорчюковой» рати. После известного восстания 15 августа 1327 г. в Твери хан Узбек вызвал к себе злейшего противника тверских князей Ивана Калиту и приказал ему наказывать тверичей. Из Орды московский князь возвратился с татарским войском и направился на Тверь, «а с нимъ 5 темни-ковъ, великихъ князей, Федорчукъ, Туралыкъ, Сюга, и прочии». Чуть позже к ним присоединился князь Александр Васильевич Суздальский. Разгром Твери происходил зимой 1327/28 г.⁷⁴

Славянка. Православный женский журнал. 2014. № 3 (51). С. 106–109.

⁷⁰ Городилин С. В. Ростовское боярство в первой трети XIV в. // История и культура Ростовской земли. 2001. Ростов, 2002. С. 87. См. также: Кучкин В. А. «Не зело близ града Ростова». Молодые годы ростовского боярина Варфоломея Кирилловича // Родина. Российский исторический журнал. 2014. № 5. С. 29–30.

⁷¹ Клосс Б. М. Избранные труды. Т. I. С. 297, 302.

⁷² Там же. С. 303.

⁷³ Там же. С. 303–304.

⁷⁴ ПСРЛ. Т. XXV. С. 168; Кучкин В. А. Сергий Радонежский. С. 76.

Исходя из прямого указания Епифания, что «за год един» после «Федорчуковой рати» настало «насилование», ряд историков полагают, что Василий Кочева и Мина явились в Ростов зимой 1328/29 г., а семья Кирилла переселилась в Радонеж в конце 1328 или начале 1329 г. Однако эта датировка вызывает определенные сомнения. Именно в 1328 г. ростовский князь Константин Васильевич женился на дочери Ивана Калиты. Какой смысл было московскому князю грабить владения собственного зятя? Понятно, что экспедицию Василия Кочевы и Мины и связанное с ней переселение семьи Кирилла следует отнести к другому времени.⁷⁵

На первый взгляд с 1328 г. хорошо согласуются и другие данные Епифания. Агиограф, сообщая о том, что через год после набега указанной татарской рати в Ростове наступило «насилование», сам же поясняет, что он имеет в виду: «сиречь княжение великое досталось князю великому Ивану Даниловичю». Известно, что за подавление тверского восстания Иван Калита получил от хана Узбека великокняжеский титул и что это произошло в 1328 г.

Вместе с тем, рассказывая об этих событиях, Епифаний попутно замечает: «купно же и досталось княжение Ростовское к Москве». Каким же образом Ростов стал владением московских князей? В свое время в другой работе нами было показано, что первые московские владения в Ростове появились еще в конце XIII в. Это стало следствием брака старшего брата Калиты князя Юрия Даниловича, женившегося в 1297 г. на дочери ростовского князя Константина Борисовича. Вместе с рукой невесты Юрий в качестве приданого получил и земли в Ростовском княжестве. От этого брака у московского князя родилась дочь Софья, вышедшая в 1320 г. замуж за тверского князя Константина Михайловича. Наделяя ее приданым, Юрий предпочел не трогать своих родовых владений, поскольку их отчуждение требовало целого ряда формальностей, связанных с правом родового выкупа, а отдал своему зятю полученные им когда-то лично владения в Ростове.

Однако этот брак оказался неудачным: супруги разошлись, а Софья постриглась в монахини. По тогдашним правилам, владения, отданные ранее Юрием за своей дочерью, должны были возвратиться в род московских князей. Однако на этом «круговорот» данных владений не закончился. В 1328 г. ростовский князь Константин Васильевич (внук вышеупомянутого ростовского князя Константина Борисовича) женился на дочери Калиты и тем самым стал владельцем тех земель, которые его дед когда-то отдал Юрию Московскому. Но при этом московский князь, отдавая их своему ростовскому зятю, постарался сохранить реальный контроль за ними,⁷⁶ и зять фактически находился на положении «слуги» у московских великих князей.⁷⁷

Следует также отметить, что из текста Епифания отнюдь не вытекает то, что экспедиция Василия Кочевы и Мины в Ростов состоялась в 1328 г. К тому же московский князь вряд ли имел возможность направить в этом году своих бояр в Ростов. Дело в том, что после восстания в Твери тверской князь Александр Михайлович вынужден был бежать из родного города — сначала в Новгород, но получил там отказ и нашел приют в Пскове: «и псковичи прияша его честно, и крест ему целоваша, и посадиша его на княжение».⁷⁸ Тем не менее и там его достал гнев хана Узбека. По распоряжению хана Иван Калита направил послов в Псков, требуя от Александра явки с повинной в Орду. Последний отказался, и тогда Калита 26 марта 1329 г.

⁷⁵ Борисов Н. С. Указ. соч. С. 28, 282–283.

⁷⁶ Аверьянов К. А. Купли Ивана Калиты. М., 2001. С. 192–201.

⁷⁷ Судя по летописным известиям, Константин принимал активное участие во многих крупных операциях московских князей: в 1339 г. он участвовал в организованном Иваном Калитой по велению хана походе к Смоленску, в следующем году вместе с Семеном Гордым дошел до Торжка в походе против новгородцев. В 1348 г. Семен Гордый вновь посылает его на Новгород с московской ратью, которую возглавил удельный звенигородский князь Иван Красный. О реальном подчинении Константина Васильевича в этот период власти московских князей свидетельствует тот факт, что, когда в 1349 г. волынский князь Любарт Гедиминович задумал жениться на дочери Константина Васильевича Ростовского, испрашивал на то разрешения не у ее отца, а у великого князя Семена Гордого (ПСРЛ. Т. X. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. М., 2000. С. 211, 212, 215, 220, 221).

⁷⁸ Там же. Т. V. Вып. 1. Псковские летописи. М., 2000. С. 16; Т. V. Вып. 2. Псковские летописи. М., 2003. С. 23, 90.

прибыл в Новгород, откуда начал военный поход на Псков. Псковичи хотели было обороняться, но в дело вмешался митрополит Феогност, приказавший запретить во Пскове богослужение во всех храмах и отлучить от Церкви тверского князя и всех его сторонников. Александру Михайловичу не оставалось ничего иного, как покинуть Псков и отправиться в изгнание в Литву. Новгородский летописец сообщает, что «уведавшие плесковицы, выпроводиша от себе князя Александра, а ко князю Ивану и к новгородцам прислаша послы с поклоном в Опоку, и докончаша мир». Псковские летописи дают некоторые подробности: «Боголюбивый же князь Иван услыша от псковских послов оже Александр изо Пскова выехал, и кончаша мир вечный с псковичи по старине, по отчине и по дедине; и благослови митрополит Феогност и владыка Моисей Селогу посадника и весь Псков».⁷⁹ Понятно, что в условиях военного противостояния Иван Калита вряд ли имел возможность распылять свои силы и фактически воевать на два фронта, отправляя своих воевод в Ростов. Таким образом, 1328 год, как время переселения семьи боярина Кирилла, отпадает.

Историки выяснили, что до 1331 г. в Ростове совместно княжили два брата, Федор и Константин, и, следовательно, город должен был иметь двух наместников, представлявших интересы князей. Между тем Епифаний пишет лишь об одном ростовском «епархе» Аверкий, что могло быть лишь после смерти князя Федора Васильевича – в 1331 г. или позже. Исследователи попытались уточнить и то, что мог иметь в виду Епифаний, когда говорил, что «княжение великое досталось князю великому Ивану Даниловичю». Известно, что, опасаясь усиления власти русских князей, хан Узбек в 1328 г. разделил Владимирское великое княжение и дал великокняжеский титул не только Ивану Калите, но и другому князю, участвовавшему в подавлении тверского восстания, – Александру Суздальскому. Лишь после смерти последнего в 1332 г. под управление московского князя перешла и вторая часть великого княжения. Очевидно, именно эти события и нашли отражение на страницах «Жития». Что же касается самого Ростова, то экспедиция московских воевод, по мнению историков, была вызвана тем, что после смерти Федора правителем Ростова стал Константин. Поскольку Аверкий, очевидно, был наместником последнего, этими действиями ростовский князь пытался закрепить владения брата за собой. Этому воспротивился Калита, который, на взгляд ряда историков, как великий князь Владимирский, имел право на выморочные земли. Эта совокупность аргументов послужила базой для предположения, что переезд семьи боярина Кирилла состоялся в 1332 г. При этом исследователи обратили внимание на то, что, по Епифанию, одной из причин ухода Кирилла в Радонеж стали «глады хлебные». Оказалось, что за все время княжения Ивана Калиты летописи лишь единственный раз упоминают о голоде – и тоже в 1332 г.⁸⁰ Отсюда было сделано предположение, что сын Кирилла покинул Ростов в сравнительно юном возрасте – всего лишь десяти лет от роду.⁸¹

Но и эта датировка переезда семьи Кирилла в Радонеж оказалась под сомнением. Решающий довод против нее был выдвинут Б. М. Клоссом и состоит в том, что согласно тексту «Жития» укоры матери 12-летнему сыну в излишней набожности относятся еще к ростовскому периоду жизни семьи. Зная, что Сергей Радонежский родился в 1322 г., нетрудно подсчитать, что речь идет о 1334 г., следовательно, ранее этой даты семейство Кирилла не покидало пределов Ростовского княжества.⁸²

⁷⁹ Там же. Т. III. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М., 2000. С. 98–99, 342; Т. V. Вып. 1. С. 16–17; Т. V. Вып. 2. С. 23, 91–92. Подробнее об этих событиях: Янин В. Л. «Болотовский» договор о взаимоотношениях Новгорода и Пскова в XII–XIV вв. // Отечественная история. 1992. № 6. С. 4–5.

⁸⁰ ПСРЛ. Т. XV. Рогожский летописец. Тверской сборник. Стб. 46.

⁸¹ Кучкин В. А. Сергей Радонежский. С. 76.

⁸² Клосс Б. М. Избранные труды. Т. I. С. 28. Позднее В. А. Кучкин в своей рецензии косвенно согласился с аргументами Б. М. Клосса, что упреки матери относятся к ростовскому периоду жизни семьи. Однако, настаивая на переселении в 1332 г., В. А. Кучкин оправдывает эту дату приведенной фразой, где говорится, что Сергию еще не было полных 12 лет. Но даже при таком толковании все равно не выходит 1332 г., на котором настаивает исследователь. При этом в ошибочности предложен-

Следует отметить, что под вопросом оказывается и привязка переселения к голодному 1332 г., ибо в «Житии» недвусмысленно говорится о «частых гладах хлебных». Вызывает также сомнение, что Кирилл, спасаясь от московского «насильства» со стороны Ивана Калиты, решает добровольно вместе с семьей переселиться во владения именно этого, а не какого-либо другого князя, что выглядело бы более естественным.

Окончательно выяснить точную дату переезда семьи позволяет все то же «Житие» Сергия. Епифаний сообщает, что Кирилл переселился на новое место не один: «с ним и инии мнози преселишася от Ростова... в Радонежь, ю же даде князь великы сынове своему мезиному князю Андрею. А наместника постави въ ней Терентиа Ртища, и лготу людем многу дарова и ослабу обещаю тако же велику дати».⁸³

Историки достаточно давно обратили внимание на одно противоречие, связанное с этим фрагментом «Жития». Согласно ему, в момент переселения семейства Кирилла Радонеж принадлежал младшему сыну Ивана Калиты князю Андрею. Однако до нас дошла, причем в подлиннике, вторая духовная грамота Ивана Калиты, составленная в 1339 г. Из нее явствует, что московский князь разделил все владения между наследниками, в числе которых видим и Андрея, но при этом Радонеж пришелся на долю второй жены Калиты Ульяны «с меньшими детми».⁸⁴ Ульяна пережила своего мужа приблизительно на 30 лет. При этом она пережила и своего младшего пасынка (Андрей скончался в 1353 г.). После смерти княгини ее владения были поделены уже между внуками Калиты – великим князем Дмитрием (будущим Донским) и его двоюродным братом Владимиром Андреевичем Серпуховским, причем Радонеж в последующих княжеских грамотах значится за князем Владимиром. По расчету исследователей, это произошло около 1374 г. Поэтому был сделан вывод, что Радонеж никогда не принадлежал князю Андрею, а следовательно, агиограф допустил здесь ошибку.⁸⁵

Если предположить, что Радонеж достался серпуховским князьям лишь начиная с Владимира Андреевича, о чем вроде бы свидетельствуют княжеские духовные и договорные грамоты, то оказывается, что «Житие», составленное Епифанием, является источником крайне ненадежным, содержащим ошибки и неточности. Однако зачем Епифанию Премудрому понадобилось выдумывать такие подробности, что наместником князя Андрея в Радонеже являлся некий Терентий Ртище? К тому же агиограф указывает, что Кирилл переселился в Радонеж не один, и сообщает при этом имена других ростовчан, следовавших за ним. С некоторыми из них он явно встречался и беседовал,⁸⁶ и все они единогласно утверждали, что Радонеж во время переселения семейства Кирилла принадлежал не Ульяне, а младшему сыну Калиты.

Все это возможно объяснить, если вспомнить, что Иван Калита выделял Радонеж и другие владения не единолично своей второй жене Ульяне, а «с меньшими детми». В своем завещании московский князь пояснял, что речь идет о двух его дочерях от второго брака – Марии и Феодосии.⁸⁷ Личность последней хорошо известна. Впоследствии она вышла замуж за князя Федора Романовича Белозерского и была жива еще в конце XIV в.⁸⁸ Что же касается другой дочери Калиты – Марии, то кроме ее упоминания в завещании сведений о ней более не встречается. Очевидно, она умерла в достаточно раннем возрасте.

ной им даты переезда почему-то оказался виноватым все тот же Б. М. Клосс, ибо тот «ее не обсуждает и не доказывает ее ошибочности» (Кучкин В. А. Антиклассицизм // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2002. № 2 (8). С. 122).

⁸³ Клосс Б. М. Избранные труды. Т. I. С. 304.

⁸⁴ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.; Л., 1950. С. 9. (Далее – ДДГ.)

⁸⁵ В московско-серпуховском докончании, составленном около 1367 г., об Ульяне говорится еще как о живой, а в аналогичном соглашении, написанном около 1374 г., зафиксирован уже раздел ее бывших владений (ДДГ. С. 20, 23; Клосс Б. М. Избранные труды. Т. I. С. 30–32). Андрей умер 6 июня 1353 г. (ПСРЛ. Т. XXV. С. 179).

⁸⁶ Об этом говорит замечание Епифания «Онисима же глаголют...» (Клосс Б. М. Избранные труды. Т. I. С. 304).

⁸⁷ ДДГ. С. 10.

⁸⁸ Ее имя встречается в завещании Дмитрия Донского 1389 г. (ДДГ. С. 35.)

У нас имеется возможность хотя бы приблизительно установить дату ее кончины. В завещании Ивана Красного 1358 г. читаем: «А что волости за княгинью за Оульяною, ис тых волости по ее животе дети мои дадут дчери ее Сурожик, село Лучиньское».⁸⁹ Из того, что здесь речь идет только об одной дочери Ульяны, становится понятным, что ею являлась Феодосия, а Марии к этому времени уже не было в живых. Обратившись еще к одному источнику – завещанию 1353 г. старшего сына Калиты великого князя Семена Гордого, видим, что, перечисляя свои владения, он упоминает среди прочих и село Деигуниньское (ныне Дегунино, микрорайон на севере Москвы). Для нас интересно то, что согласно завещанию Калиты оно выделялось Ульяне.⁹⁰ Но каким образом это село еще при жизни княгини оказалось в руках ее пасынка? По тогдашнему обычаю, выморочное имущество, приходившееся на долю умершей дочери Калиты, должно было быть выделено из всего комплекса владений Ульяны и поделено между другими наследниками московского князя. Тот факт, что одно из сел, ранее принадлежавших Ульяне, упоминается в завещании Семена Гордого, также свидетельствует о ранней кончине Марии.

Поскольку детей у нее не было, приходившаяся на ее долю часть наследства Ивана Калиты должна была быть распределена между ее сводными братьями. Поэтому в завещании ее старшего брата великого князя Семена Гордого находим упоминание села Деигуниньского, которое, по духовной грамоте его отца, значилось за Ульяной и ее дочерями. Очевидно, таким же образом другому сыну Калиты достался Радонеж. Вполне оправданно предположение, что раздел доли Марии был оформлен специальным соглашением между князьями. Сохранился договор Семена Гордого с братьями, специальная статья которого делила между сыновьями Калиты шесть сел, которые, вероятно, и представляли собой долю Марии.⁹¹ Но этот документ дошел до наших дней в очень плохом состоянии, с множеством пропусков и лакун. Поэтому возможно полагать, что в несохранившейся части договора говорилось не только о разделе сел части удела Ульяны, приходившейся на долю Марии, но и волостей. Если это так, то Епифаний не ошибался, когда говорил, что ростовский боярин переселился с родичами именно во владения младшего сына Калиты Андрея.

Но таким образом оказывается, что Сергей появился в Радонеже не в ранней юности, как полагали историки, а уже достаточно взрослым и сформировавшимся человеком, во всяком случае, после того, как 31 марта 1340 г. скончался великий князь Иван Данилович Калита, и даже позже, когда согласно заключенному между братьями договору Радонеж достался младшему из них – князю Андрею.

Чтобы определить точную дату переезда семьи ростовского боярина Кирилла в Радонеж, обратимся к анализу событий, происшедших на Руси после смерти московского князя. Поскольку получение великокняжеского стола требовало утверждения со стороны хана, 2 мая 1340 г. старший сын Калиты вместе с братьями отправился в Орду. Но задача оказалась не из легких. Одновременно с московскими князьями в Орде оказались Василий Ярославский, Константин Тверской, Константин Суздальский и «прочии князи русстии»,⁹² и Семену Гордому, очевидно, пришлось оспаривать свое право на великое княжение в борьбе с другими претендентами. Об этом говорит его растянувшееся на несколько месяцев пребывание в Орде. На Русь он возвратился только осенью и 1 октября 1340 г. был торжественно посажен во Владимире на «великомъ княжении всея Руси».⁹³

⁸⁹ Там же. С. 16, 19.

⁹⁰ Там же. С. 9, 14.

⁹¹ Там же. С. 11.

⁹² ПСРЛ. Т. XXV. С. 172.

⁹³ Там же. Т. XV. Стб. 53.

Судя по тогдашней практике, получение ханского ярлыка на великое княжение потребовало от Семена огромных денежных затрат. В Орде он, несомненно, влез в долги и сразу после вокняжения на владимирском столе вынужден был их возвращать, при этом явно не выбирая методов и средств. Согласно летописи, одним из первых пострадал Торжок: «Тоя же осени князь велики Семень Ивановичъ посла въ Торжекъ боярь дани брати, и начаша силно деяти». Поскольку Торжок находился в совместной юрисдикции Новгорода и Москвы, новоторжцы послали «с поклономъ в Новъгород», откуда в Москву прибыло посольство со словами: «еще, господине, на столе в Новегороде еси не сель, а уже бояре твои силно деють».⁹⁴

Можно предположить, что одновременно с Торжком подобные экспедиции для выколачивания денег были посланы и в другие города, подвластные Москве, в том числе и в Ростов, куда направились Василий Кочева и Мина, которые «възложиста велику нужу на градъ да и на вся живущаа в нем». Именно эта экспедиция москвичей поздней осенью 1340 г. и связанные с ней различные поборы в итоге заставили семью ростовского боярина искать новых мест для привычной спокойной жизни. Выбор их пал на Радонеж, оказавшийся в руках Андрея.

Для историков главным моментом для определения времени переезда семьи Кирилла из Ростова в Радонеж стала фраза из «Жития» Сергия: «Егда изиде по великого князя велению и послан бысть от Москвы на Ростовъ акы некий воевода единъ от велможъ, именем Василий, прозвище Кочева, и с нимъ Мина».⁹⁵ Исследователи полагали, что здесь не названным по имени великим князем являлся Иван Калита, а следовательно, указанные события происходили в 1330-е гг. На первый взгляд этот вывод подтверждается другим указанием Епифания, что Радонеж «даде князь велики сынови своему мезиному князю Андрею». Поскольку последний действительно являлся младшим сыном Ивана Калиты, речь, казалось бы, здесь идет об отце князя Андрея Ивановича. Но Епифаний Премудрый, говоря об обстоятельствах переезда семьи ростовского боярина, нигде не называет имени великого князя, а чуть позже пишет, что данные события, по его мнению, происходили в начале княжения Семена Гордого. Данное противоречие легко разрешается, если вспомнить, что в Средневековье термины «отец» и «сын» нередко употреблялись в другом значении. В частности, из текста договора сыновей Калиты выясняется, что младшие братья Семена Гордого согласно тогдашним формам этикета обязывались «читать» его «въ отцево место».⁹⁶ Тем самым становится понятно, что под не названным по имени великим князем агиограф подразумевает не Ивана Калиту, а его старшего сына Семена Гордого. Отсюда следует наш главный вывод: показание Епифания Премудрого о том, что Радонеж в момент переселения семьи Кирилла принадлежал князю Андрею, оказывается верным, а сами эти события происходили уже после смерти Ивана Калиты.

Точен Епифаний и в том, что переселение Кирилла было связано и с «чястыми глады хлебными».⁹⁷ Если обратиться к хронике природных явлений, то помимо отмеченного В. А. Кучкиным голода 1332 г., якобы единственного за все время княжения Ивана Калиты, в летописях находим и другие случаи.⁹⁸

Можно ли более точно установить дату переселения семьи Кирилла из Ростова в Радонеж? Поскольку Радонеж стал владением Андрея после подписания соглашения между братьями, необходимо знать время его составления.

⁹⁴ Там же. Т. XXV. С. 173.

⁹⁵ Клосс Б. М. Избранные труды. Т. I. С. 304.

⁹⁶ ДДГ. С. 11.

⁹⁷ Клосс Б. М. Избранные труды. Т. I. С. 303.

⁹⁸ Летописец под 1330 г. отмечает: «того же лета бысть сухмень велика». Под 1337 г. зафиксировано: «тое же осени бысть поводь велика». Понятно, что эти природные аномалии не могли не привести к гибели значительной части урожая. При этом, судя по всему, летописец зафиксировал далеко не все из них (ПСРЛ. Т. X. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. М., 2000. С. 203, 207; См. также: Борисенков Е. П., Пасецкий В. М. Летопись необычайных явлений природы за 2,5 тысячелетия (V в. до н. э. – XX в. н. э.). СПб., 2002. С. 318–319).

В дореволюционной историографии договор между братьями обычно датировался 1340 или 1341 г., в зависимости от того, к какому из этих годов историки относили смерть Ивана Калиты (он скончался 31 марта 1340 г., но из-за сбивчивости хронологии некоторые летописи относят это событие к 1340 г., тогда как другие – к 1341 г.). Подобная датировка грамоты основывалась на фразе из соглашения о том, что князья «целовали есмы межи собе крестъ оу отня гроба».⁹⁹

Во второй половине XX в. в литературе появились иные датировки этого источника. В частности, Л. В. Черепнин считал, что выражение «оу отня гроба» является не прямым указанием на то, что братья приносили клятву непосредственно у могилы отца, а просто символической фразой, которой выказывалось «уважение к памяти покойного московского князя Ивана Даниловича Калиты». Это представляется тем более обоснованным, поскольку известно, что Семена Гордого не было на похоронах отца – в этот момент он находился в Нижнем Новгороде. При этом Л. В. Черепнин полагал, что соглашение было заключено в конце княжения Семена – в 1350–1351 гг. Примерно к этим же выводам пришел и А. А. Зимин, предложивший датировать dokonчание концом 1340-х гг. (до зимы 1350/51 г.).¹⁰⁰ Последним по этому вопросу высказался В. А. Кучкин. Он обратил внимание на то, что, несмотря на дефектность текста, в договоре сохранилась статья, согласно которой Семен в случае смерти младших братьев должен был позаботиться об их женах и детях, не лишать их земельных владений и не посягать на служивших им бояр: «... (ко)го из нас Богъ отъведет, печаловати (ся княгинею его и) детми, как при ж (ивоте, так и по жив)оте, а не (обидети тебе, ни) имати ничего ото княгини и отъ дети, чимъ ны (кого благословиль отецъ нашъ по ро)зделу. (А по животе кто из бо)яръ и слугъ иметь служити у наших княгинь (и у дети... нелюбья не) держати, (ни посягати) без исправы, но блюсти, как и своих» (в скобках помещен текст, восстанавливаемый по трафаретным фразам).¹⁰¹ Поскольку здесь говорится о княжеских детях, этот пункт мог появиться, по мнению исследователя, только после того, как женился младший из братьев Андрей (это произошло летом 1345 г.) и у него появилось потомство, то есть не ранее весны 1346 г. Да и у самого великого князя вплоть до конца 1347 г. не было наследника. Его старший сын Василий родился 12 апреля 1337 г. и умер в 1338 г., еще в княжение Ивана Калиты. Следующий сын, Константин, родился в 1341 г. и прожил только один день. От второго брака детей у Семена не было. Лишь после женитьбы на тверской княжне у него 15 декабря 1347 г. появился долгожданный ребенок, названный в честь деда Даниилом.¹⁰² Тем самым, на взгляд В. А. Кучкина, договор не мог быть составлен ранее последней даты.

Особое внимание в грамоте уделялось «коромоле» Алексея Петровича Хвоста. В чем она заключалась, из текста неясно, однако в ней имеется пункт, что братья не должны принимать боярина в службу. Также выясняется, что имущество опального боярина было конфисковано великим князем и часть его получил средний брат Иван. Младшему же Андрею из имущества Алексея Хвоста ничего не досталось.¹⁰³ Между тем из летописи известно, что весной 1347 г. Алексей Хвост ездил в числе сватов в Тверь за невестой для великого князя.¹⁰⁴ Поручение это было достаточно важным, и, на взгляд историка, его невозможно было доверить опальному боярину. Тем самым «коромола» Алексея Петровича по отношению к великому князю отно-

⁹⁹ ДДГ. С. 11.

¹⁰⁰ Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы XIV–XVI вв. Ч. 1. М.: Л., 1948. С. 20–25; Зимин А. А. О хронологии духовных и договорных грамот великих и удельных князей XIV–XVI вв. // Проблемы источниковедения. Вып. 6. М., 1958. С. 279–280.

¹⁰¹ ДДГ. С. 12.

¹⁰² Экземплярский А. В. Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период с 1238 по 1505 г. Т. 1. СПб., 1889. С. 288.

¹⁰³ Там же. С. 13.

¹⁰⁴ ПСРЛ. Т. XXV. С. 176.

сится к более позднему времени, после 1347 г. В этом В. А. Кучкина убедило упоминание в завещании Семена Гордого села Хвостовского на Клязьме, очевидно ранее конфискованного у Алексея Хвоста.¹⁰⁵ Отсюда, по мнению исследователя, вытекает, что великий князь продолжал гневаться на него до конца своей жизни и только после того, как на великокняжеском столе Семена Гордого сменил Иван Красный, опала с боярина была снята и он получил должность московского тысяцкого.

В. А. Кучкин полагает, что договор Семена Гордого с братьями был составлен весной—летом 1348 г., основываясь на том, что под 1348 г. летописи сообщают о приходе из Орды великого князя Семена и добавляют: «а съ нимъ братъ его князь Андреи». В этом известии отсутствует имя среднего из братьев – Ивана, который, по мысли историка, поддерживал крамольного боярина (не случайно тот именно при нем стал московским тысяцким). Но конфликт между братьями, вызванный, на взгляд В. А. Кучкина, противодействием митрополита Феофноста незаконному, с его точки зрения, третьему браку Семена, был вскоре исчерпан, и в том же году, как свидетельствует летопись, «князь великий Семень, погадавъ съ своею бра-тиею съ княземъ Иваномъ и Андреемъ и съ бояры», отправил послов в Орду. Тем самым между ними были восстановлены мир и согласие.¹⁰⁶

Поскольку данная датировка договора Семена Гордого с братьями вступает в противоречие с известными нам по «Житию» Сергия фактами его биографии, следует более тщательно посмотреть на те аргументы, которыми оперирует В. А. Кучкин, относя это соглашение к 1348 г.

Первый из доводов историка, что соглашение могло быть составлено не ранее весны 1346 г., когда у младшего из братьев могли появиться дети, не может быть принят. Данную статью договора следует рассматривать не как признание реальности, а всего лишь как констатацию возможных взаимных обязательств в случае появления детей.

Весьма спорным выглядит предположение о конфликте между братьями в 1348 г. Летописные свидетельства за 1347–1353 гг., как признает сам В. А. Кучкин, показывают, что братья действовали сообща. Что касается князя Ивана, то большую часть 1347 г. и все начало следующего, 1348 г. он, по распоряжению старшего брата, находился в Новгороде¹⁰⁷ и поэтому не мог сопровождать его в Орду.

Вызывает сомнение и тесная связь Алексея Петровича Хвоста в середине 1340-х гг. со средним из братьев – князем Иваном. Тот факт, что имущество опального боярина было распределено между Семеном Гордым и Иваном, причем на долю Андрея не досталось ничего, со всей очевидностью свидетельствует о тесных связях Алексея Петровича как раз с последним. Сближение Алексея Хвоста с князем Иваном Красным, о чем говорит В. А. Кучкин, состоялось много позже – в середине 1350-х гг., когда удельный звенигородский князь Иван после смерти своего старшего брата волей случая оказался на великокняжеском столе. Московское боярство встретило его настороженно, и он, не чувствуя поддержки с этой стороны, вынужден был опираться на всякого, кто мог предложить ему хоть какое-то содействие.

Таким образом, доводы В. А. Кучкина в пользу того, что договор между братьями был заключен в 1348 г., не могут быть приняты. Следовательно, снова встает вопрос о времени его появления. Попробуем определить возможные хронологические рамки составления данного документа.

¹⁰⁵ ДДГ. С. 14.

¹⁰⁶ ПСРЛ. Т. XVIII. С. 96; Кучкин В. А. Договор Калитовичей (к датировке древнейших документов московского великокняжеского архива) // Проблемы источниковедения истории СССР и специальных исторических дисциплин. М., 1984. С. 16–24. См. также: Он же. Договор 1348 г. великого князя Симеона Ивановича с братьями Иваном Звенигородским и Андреем Серпуховским // Средневековая Русь. Вып. 8. М., 2009. С. 101–175.

¹⁰⁷ ПСРЛ. Т. XXV. С. 177.

Поскольку в тексте соглашения Семен Гордый упоминается как «князь великий... всеа Руси», грамота могла быть составлена только после того, как он занял великокняжеский стол 1 октября 1340 г.¹⁰⁸

Другим датирующим признаком договора, как справедливо признавали предшествующие исследователи, является упоминание опалы Алексея Петровича Хвоста, который «вшелъ в коромолу к великому князю».¹⁰⁹ Выше мы уже отмечали, что грамота, согласно которой конфискованное имущество боярина было поделено между старшими братьями, тогда как на долю младшего Андрея не пришлось ничего, дает логичное основание для вывода о тесных связях Хвоста именно с последним, в пользу которого он действовал.

Ранее говорилось о том, что из текста соглашения неясно, в чем заключалась «вина» боярина. Тем не менее у нас имеются определенные предположения. Как известно, младший сын Калиты родился 4 июля 1327 г.¹¹⁰ и на момент смерти отца ему не исполнилось еще 13 лет. Понятно, что до своего совершеннолетия серпуховской князь представлял собой номинальную фигуру и находился под полным влиянием старшего брата. Вполне вероятно, что осенью 1340 г., когда Семен Гордый вернулся на Русь и стал лихорадочно собирать деньги, экспедиция, аналогичная тем, что были посланы в Торжок и Ростов, направилась и в Серпуховской удел. Здесь насилия и поборы москвичей также не могли не встретить сопротивления, знаменем которого, очевидно, и стал Алексей Петрович Хвост – именно об этом свидетельствует фраза докончания: «А что Олексе Петрович вшелъ в коромолу к великому князю».¹¹¹ Логично предположить, что действия боярина в пользу князя Андрея должны были вызвать определенное охлаждение между младшим и старшим братом. Обратившись к летописям, увидим, что на протяжении всего княжения Семена Гордого его младший брат не выходил из-под его власти – они вместе ездят в Орду, участвуют в делах государственного управления, даже одновременно женятся летом 1345 г.¹¹² Подобная идиллия была нарушена всего один раз – зимой 1340/41 г.

После описания вышеупомянутых событий в Торжке осенью 1340 г. летописец продолжает: «Тое же зимы бысть великъ съезд на Москве всемъ княземъ русскимъ, и поиде ратью к Торжку князь великий Семень, а с немъ братъ его князь Иванъ Ивановичъ, князь Костянтинъ Суждальский, князь Костянтинъ Ростовский, князь Василей Ярославский, и вси князи с ними, и пресвященнии Феогнось, ми-трополить всеа Руси, с ними же».¹¹³ Весьма знаменательным представляется то, что в перечне князей, пошедших вместе с Семеном, отсутствует имя князя Андрея.

Тем самым подтверждается мнение А. Е. Преснякова, считавшего, что составление договора между Калитовичами произошло «в ту же пору», что и съезд русских князей в Москве.¹¹⁴ Что же касается дальнейшей судьбы крамольного боярина, то, как показывает летописное известие 1347 г., через несколько лет Алексею Петровичу удалось вернуть доверие великого князя и в дальнейшем он участвовал в организации его брака с тверской княжной.¹¹⁵

Определив время заключения договора сыновей Ивана Калиты – начало 1341 г., мы можем более уверенно говорить о том, что к этому же году следует относить и переселение семьи ростовского боярина Кирилла в Радонеж. Передатировка переезда во многом рассеивает недоумение исследователей. Относя переселение ко временам Ивана Калиты, историки неизменно задавались вопросом: почему семейство ростовского боярина поселилось во владе-

¹⁰⁸ ДДГ. С. 11; ПСРЛ. Т. XVIII. С. 93.

¹⁰⁹ ДДГ. С. 13.

¹¹⁰ ПСРЛ. Т. XXV. С. 168.

¹¹¹ ДДГ. С. 13.

¹¹² ПСРЛ. Т. XXV. С. 175.

¹¹³ Там же. Т. XVIII. С. 93.

¹¹⁴ Пресняков А. Е. Образование Великорусского государства. Пг., 1918. С. 162.

¹¹⁵ Ср.: Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969. С. 244.

ниях князя, столь жестоко расправившегося с жителями Ростова? Говорили даже чуть ли не о насильственной депортации. Ныне же становится понятно, что Кирилл переселился на земли удельного князя Андрея.

Итак, семья ростовского боярина оказалась во владениях младшего из сыновей Калиты. Но почему Кирилл выбрал именно Радонеж? Кто подсказал ему эту мысль? Из «Жития» Сергия выясняется, что этим человеком был Протасий, родоначальник московских бояр Вельяминовых, занимавших в XIV в. на протяжении нескольких поколений важнейшую должность великокняжеского тысяцкого. Именно благодаря его помощи ростовские переселенцы оказались в Радонеже.¹¹⁶

Об этом мы узнаём из указания Елифания Премудрого. Говоря об одном из переселенцев – Онисиме, приходившемся дядей преподобному, он добавляет: «Онисима же глаголют с Протасием тысяцким пришедша въ тую же весь».¹¹⁷

Однако что мог делать великокняжеский боярин во владениях удельного князя? Этот вопрос снимается, если вспомнить, что младшему сыну Калиты ко времени смерти отца не исполнилось и 13 лет. Понятно, что владениями юного княжича вплоть до его совершеннолетия фактически управляли бояре его старшего брата Семена, одним из которых был именно Протасий.

Московские князья были заинтересованы в заселении своих земель выходцами из других княжеств. Поэтому Кирилл стал обладателем значительных земельных владений в Радонеже.¹¹⁸ Они достались ему на условиях несения пожизненной службы им самим и его детьми.

¹¹⁶ В XIX в. ростовским краеведом А. Я. Артыновым было выдвинуто предположение о происхождении Кирилла от варяга Ши-мона, предка Вельяминовых (*Силкина И. А.* Предки преподобного Сергия Радонежского и род Симона Варяга. Версия ростовского краеведа Александра Яковлевича Артынова (1813–1896) // *Московский журнал. История государства Российского. Литературно-художественный, историко-краеведческий ежемесячный журнал.* 2008. № 11. С. 42–49).

¹¹⁷ *Клосс Б. М.* Избранные труды. Т. I. С. 304.

¹¹⁸ О Радонеже этого времени см.: *Милонов Н. П.* Археологические разведки в Радонеже (Загорский район Московской области) // *Историко-археологический сборник.* М., 1948. С. 65–73; *Чернов С. З.* Комплексное исследование и охрана русского средневекового ландшафта. По материалам древнего Радонежского княжества. М., 1987; *Он же.* Древний Радонеж // *Памятники Отечества.* 1988. № 2 (18). С. 62–73; *Он же.* История заселения Радонежского княжества и происхождение волостей в районе Троице-Сергиева монастыря // *Международный конгресс славянской археологии. Труды. Т. 2. Секция 3–4.* Киев, 1988. С. 316–319; *Он же.* Исторический ландшафт древнего Радонежа // *Памятники культуры. Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология.* 1988. М., 1989. С. 413–438; *Он же.* Новые материалы по хронологии московской керамики второй половины XIII–XV вв. из раскопок в районе древнего Радонежа // *Древнерусская керамика.* М., 1992. С. 142–169; *Вишневский В. И.* Древний Радонеж // *Сообщения Сергиево-Посадского музея-заповедника.* 1995. С. 12–30; *Ткаченко В. А.* Радонеж. Страницы истории. Сергиев Посад, 1997; *Средневековый Радонеж: археологический, палинологический и геоботанический подходы к изучению ландшафтов // Экологические проблемы в исследованиях средневекового населения Восточной Европы.* М., 1993. С. 167–189; *Чернов С. З.* Заселение водоразделов Радонежа по данным археологических исследований селца Никольское-Поддубское // *Археологические памятники Москвы и Подмосковья.* М., 1996. С. 60–96; *Он же.* Русский средневековый ландшафт как объект археологических исследований (на примере района древнего Радонежа) // *Культурный ландшафт как объект наследия.* М., 2004. С. 322–332; *Он же.* Радонеж: от волости к княжескому уделу (1336–1456). Постановка задач комплексного исследования // *Древняя Русь. Вопросы медиевистики.* 2007. № 3 (29). С. 118–119; *Он же.* Радонеж: от волости к княжескому уделу (1336–1456) // *Там же.* 2007. № 4 (30). С. 44–49; *Вишневский В. И.* Оборонительные укрепления древнего Радонежа // *Археология Подмосковья.* Вып. 4. М., 2008. С. 124–134; *Чернов С. З.* Радонеж: от волости к княжескому уделу (1336–1456). Границы и административное устройство // *Древняя Русь. Вопросы медиевистики.* 2009. № 3 (37). С. 125–126; *Ершова Е. Г.* История растительности южного склона Клиньско-Дмитровской гряды (историческая территория древнего Радонежского княжества). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата биологических наук. М., 2010; *Чернов С. З.* Радонеж: от волости к княжескому уделу (1336–1456 гг.). Княжеские земли в центре удела // *Сословия, институты и государственная власть в России. Средние века и раннее Новое время. Сб. статей памяти академика Л. В. Черепнина.* М., 2010. С. 444–481; *Ершова Е. Г., Чернов С. З.* Природа и человек на водоразделах Радонежа в XIII–XVI вв. Методика корреляции спорово-пыльцевых данных (Новые исследования Морозовского болота) // *Российская археология.* 2010. № 3. С. 101–118; *Чернов С. З.* Радонеж: от волости к княжескому уделу (1336–1456). Княжеские земли в районе Троицкого монастыря // *Древняя Русь. Вопросы медиевистики.* 2011. № 3 (45). С. 129–130; *Любимыгин Ю. Н.* Мое Хотьково. Абрамцево—Ахтырка—Воздвиженское—Гаврилково—Жучки—Комягино—Машино—Митино—Морозово—Мутовки—Радонеж—Репихово—Тешилово—Уголки—Ярыгино. История Хотькова с древнейших времен до наших дней. Легенды и мифы Радонежья. Сергиев Посад, 2014; *Чернов С. З.* Переяславская дорога XIV–XV вв. в районе Радонежа. Историко-археологическое исследование // «По любви, в правде, безо всякие хитрости. Друзья и коллеги к 80-летию Владимира Андреевича Кучкина. Сб. статей. М., 2014. С. 191–220.

В. А. Кучкиным было высказано сомнение по поводу радонежских владений Кирилла, поскольку об этом «абсолютно никаких сведений нет». ¹¹⁹ До нас и впрямь не дошло ни одного акта, связанного с именем Кирилла. Более того, мы вполне допускаем, что их просто не существовало. Но это отнюдь не означает, что у Кирилла не было вотчины в Радонеже.

Чтобы разобраться в этом вопросе, нам необходимо сделать некоторое отступление и рассмотреть вопрос о первоначальном характере вотчины.

Как известно, русское Средневековье знало два основных типа землевладения – вотчину и поместье. В отечественной историографии долгое время считалось, что, в отличие от поместья, распоряжение которым включало условие обязательной службы, вотчина представляла собой безусловное владение, чей хозяин мог свободно передавать его по наследству, продавать, закладывать и совершать любые другие сделки. Между тем историки достаточно рано обнаружили в этом вопросе известный схематизм. В частности, выяснилось, что согласно Уложению о службе 1556 г. вотчинники были приравнены к помещикам и также обязаны были нести военную службу. Тем самым оказалось, что вотчина, как и поместье, в определенной мере являлась условным владением.

Исследователи, пытаясь объяснить этот парадокс, рассматривали его в контексте ожесточенного сопротивления реакционного боярства дальнейшему укреплению централизованного государства, в борьбе с которым великокняжеская власть опиралась на дворянство, владевшее землей не на вотчинном, а на поместном праве. ¹²⁰

Разобраться в этом сложном вопросе помогает духовная грамота удельного князя Бориса Васильевича Волоцкого, составленная в октябре 1477 г. перед тем, как он отправился вместе с великим князем Иваном III в поход на Новгород. В ней наше внимание привлекает довольно любопытная статья: «А что есмь пожаловал боярь своих, князя Андрея Федоровича и князя Петра Микитича, подавал есмь им отчину въ их отчины место, дал есмь князю Андрею Федоровичю Скирманово, да Фроловское, да Кореневское з деревнями, а князя Петра Микитича пожаловал есмь Шорсною з деревнями, доколе служат мне и моим детем, и их дети, и оучнут служить моему сыну и их дети, ино то им и есть, а не имут служить моему сыну, ино их отчина моему сыну. А возмет Бог моего сына Федора, ино то мое жалованье им в отчину, въ их отчины место». ¹²¹ Самое интересное здесь то, что полученные волоцкими боярами земли юридически именуются вотчинами, но фактически являются поместьями, которые могут быть отобраны в случае прекращения службы сюзерену.

Чтобы как-то понять это противоречие, необходимо проследить дальнейшую судьбу этих владений. Речь в данном отрывке идет о князьях Андрее Федоровиче Голенине (из ростовских князей) и Петре Никитиче Оболенском. ¹²² Из источников известно, что оба князя действительно служили в Волоцком уделе: П. Н. Оболенский – вплоть до рубежа XV–XVI вв., а А. Ф. Голенин – до своей смерти в самом начале 1480-х гг. (до 1482 г.). О землевладении последнего мы имеем довольно полные сведения благодаря тому, что сохранилось его завещание, подробно перечисляющее все, чем владел князь, – начиная со списка ссуд, выданных князем, его холопов и кончая земельными владениями, которые он делит между женой и тремя сыновьями. Казалось бы, названо все. Однако сел, о которых всего пять лет назад упоминал его сюзерен, в этом перечне нет. ¹²³

Об их судьбе можно было бы только гадать, если бы не одно обстоятельство. С Волоцким уделом связал свою жизнь и сын А. Ф. Голенина – Андрей Андреевич. Подобно отцу, он служил

¹¹⁹ Кучкин В. А. Антиклассицизм // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2002. № 2 (8). С. 123.

¹²⁰ Булыгин И. А. Вотчина // Советская историческая энциклопедия. Т. 3. М., 1963. Стб. 755–758.

¹²¹ ДДГ. № 71. С. 251.

¹²² Зимин А. А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV – первой трети XVI в. М., 1988. С. 44, 76.

¹²³ Акты феодального землевладения и хозяйства. Ч. 2. М., 1956. № 38. С. 40. (Далее – АФЗХ.)

волоцкому князю Борису, затем его сыну Ивану, а после смерти последнего в 1503 г. перешел к внуку Бориса Волоцкого – Юрию Ивановичу, владевшему Рузой, где и находились земли Голениных. В 1508 г. Андрей Андреевич еще упоминается как воевода князя Юрия, но вскоре (во всяком случае, до 1515 г.) он постригся в монахи под именем Арсения и стал одним из самых видных старцев Иосифова монастыря.

Именно к этому времени относится данная грамота Андрея Андреевича, согласно которой он отдал обители ряд своих владений, в том числе и село Скирманово, относительно которого специально оговаривалось, что оно входило в «те земли, коими землями жаловал государь наш князь Борис Васильевич отца нашего князя Ондreja Федоровича».¹²⁴ Отсюда становится ясно, что А. Ф. Голенин реально владел указанными селами, хотя и не упомянул их в своем завещании.

Данное обстоятельство объяснить довольно легко, если вспомнить, что боярин при переходе к новому сюзерену обычно получал определенные земельные владения в его уделе. При этом он должен был оставить свои земли в прежнем уделе старому сюзерену. Между тем, начиная с московскотверского докончания 1375 г., княжеские соглашения фиксируют новую норму – право бояр сохранять при отъезде свои вотчины в прежнем княжении.¹²⁵ Однако, учитывая право свободного отъезда бояр, теоретически возможно представить ситуацию неоднократного отъезда бояр к новым сюзеренам и сохранения за собой полученных вотчин.

Неудивительно, что в этих условиях князья предпринимают усилия по предотвращению подобных коллизий. В первую очередь это отразилось на крестоцеловальных записях, составленных при выезде бояр к новому сюзерену. Ее формуляр, сохранившийся в митрополичьем архиве, свидетельствует о том, что бояре начинают приносить присягу князю и его детям не только лично, но и от имени своих детей: «А мне, имярек, и детей своих болших к своему государю, к великому князю имярек, привести, и к его де-тем».¹²⁶ В случае с вотчиной Голениных в Волоцком уделе видим, что только после смерти сына князя, которому они приносили присягу, полученная от сюзерена вотчина становится их полным владением. До этого момента она представляла условное владение и могла быть отобрана в случае прекращения службы. Подобные земли, в отличие от родовых, впоследствии получили название выслуженных вотчин.

В этой связи любопытно проследить судьбу владений П. Н. Оболенского на Волоке. К июлю 1511 г. относится меновная грамота князя Федора Борисовича Волоцкого с Иосифо-Волоколамским монастырем, из которой выясняется, что земли, располагавшиеся во Льяниково стане по реке Шорсне, то есть там, где получил вотчину П. Н. Оболенский, к этому времени являлись уже княжескими.¹²⁷ Поскольку П. Н. Оболенский умер бездетным и служить сыну волоцкого князя было некому, полученные им владения перешли обратно в княжеский фонд земель. И хотя у умершего имелись братья и племянники, они не могли получить его владений в силу особого статуса этих земель.

Это свидетельствует о том, что представление о «безусловном» характере землевладения вотчинников является ошибочным и упрощенным и полностью опровергает утверждение В. А. Кучкина, что Кирилл не мог иметь в Радонеже вотчины, поскольку об этом не сохранилось никаких сведений. Надо полагать, что земельные владения семьи Кирилла существовали, но, поскольку вотчины недавних выходцев из Ростовского княжества еще носили условный характер, последние не могли свободно распоряжаться своими владениями, а следовательно, оформлять земельные сделки и соответствующих актов как таковых просто не было.

¹²⁴ Там же. № 41. С. 42.

¹²⁵ ДДГ. № 9. С. 27.

¹²⁶ Русский феодальный архив XIV – первой трети XVI в. Ч. 1. М., 1986. № 46. С. 175.

¹²⁷ АФЗХ. Ч. 2. № 49. С. 49–51.

Дальнейший рассказ «Жития» описывает следующие события. Сразу после переезда, освоившись на новом месте, сыновья Кирилла – Стефан и Петр – женились. Избранницей Стефана стала Анна, а Петра – Екатерина.¹²⁸ Что касается среднего сына, Варфоломея, он «не въсхоте женитися, но и зело желаше въ иночское житие».¹²⁹ Об этом он просил своего отца, но тот вместе с матерью отказывал ему, говоря, что свое желание он сможет исполнить только после их смерти: «Егда нас гробу предаши и землю погребеша, тогда и свое хотение исполниши». Возможно, толчком для подобных мыслей Варфоломея стало основание Кириллом осенью 1341 г. своего родового богомолья – Хотьковского Покровского монастыря.

В литературе имеются разногласия по поводу времени возникновения Хотьковского монастыря. По Б. М. Клоссу, эта обитель являлась домовым монастырем семьи боярина Кирилла и была основана последним после переезда в Радонеж. Согласно Н. С. Борисову, Хотьковский монастырь относился к числу «мирских монастырей» и появился еще в 1308 г. для удовлетворения духовных нужд местного населения.¹³⁰

Каким образом возник указанный Н. С. Борисовым год? Эту дату он взял из сочинения С. К. Смирнова о Покровском Хотьковском монастыре, который, в свою очередь, позаимствовал ее из более раннего труда Амвросия.¹³¹ Однако она не подтверждается имеющимися в нашем распоряжении материалами. Первое свидетельство о существовании Хотьковской обители, помимо ее упоминания в «Житии» Сергия, встречается лишь в одном из актов 1440–1450-х гг.¹³²

С учетом вышесказанного, более предпочтительной представляется точка зрения Б. М. Клосса, считающего, что Хотьковский монастырь был основан Кириллом и с самого начала своего существования являлся родовым для его семьи. В частности, на это указывает то, что в нем бережно сохраняли память не только о родителях Сергия, но и о других представителях рода.

Уточнить дату возникновения Хотьковского монастыря позволяют два обстоятельства. Ранее мы говорили о том, что семейство Кирилла переселилось в Радонеж в 1341 г. Ниже мы выясним, что родители Сергия скончались в 1342 г. Таким образом, их родовое богомолье возникло в очень небольшой промежуток времени. Учитывая, что Хотьковский монастырь был посвящен празднику Покрова Богородицы, отмечаемому 1 октября, можно с большой долей уверенности говорить о том, что он был основан осенью 1341 г.

«Устроение душ», то есть организация поминаний, за здравных и за упокойных молитв, занимало очень важное место в тогдашней жизни. Это прекрасно описал академик С. Б. Веселовский: «Подобно тому как князья основывали и строили монастыри, давали им средства и наделяли их землями, чтобы иметь свое богомолье и богомольцев, своего духовника и родовую усыпальницу с неукоснительным поминанием погребенных в ней лиц, так и частные вотчинники, иногда даже не крупные, строили в своих владениях храмы, с теми же целями устраи-

¹²⁸ Об именах избранниц сыновей Кирилла известно из бережно хранившейся еще в XIX в. в Хотьковском монастыре надгробницей Кирилла и Марии образа Знамения Божьей Матери «старинного иконного писания» с изображением всей семьи, в том числе Стефановой жены Анны и Петровой – Екатерины. Сведения эти уникальны, ибо в других источниках имена жен Стефана и Петра не зафиксированы (Клосс Б. М. Избранные труды. Т. I. С. 28–29).

¹²⁹ Там же. С. 305.

¹³⁰ Там же. С. 28–29; Борисов Н. С. Указ. соч. С. 39.

¹³¹ [Смирнов С. К.] Покровский Хотьков девичий монастырь. Изд. 8-е. Сергиев Посад, 1896. С. 4; Амвросий. История российской иерархии. Ч. VI. М., 1815. С. 1103. О Хотьковом монастыре см. также: Введенский Д. И. Хотькова обитель на месте упокоения родителей преподобного Сергия. Сергиев Посад, 1905; Спирина Л. М. Покровский монастырь в Хотькове. Сергиев Посад, 1996; Филимонов К. А. К истории Покровского Хотькова монастыря // Макарьевские чтения. Вып. 7. Монастыри России. М., 2000. С. 270–281; Голубцов С. Хотьков монастырь // Московский журнал. 1991. № 6. С. 26–31; Покровский Хотьков женский монастырь. Книга-альбом. [Сост. Добровольский С. В.]. Хотьково; М., 2002 (изд. также: М., 2003); Хотьково. Очерки истории земли Радонежской [сост. Соловьев Н. Н.]. Сергиев Посад, 2004 (Малые города России).

¹³² Клосс Б. М. Избранные труды. Т. I. С. 306; Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в. Т. I. М., 1952. № 232. С. 164. (Далее – АСЭИ.)

вали монастыри. Такие мелкие вотчинные монастырьки не следует мерить масштабом крупных позднейших монастырей. Если поставленный вотчинный храм не имел прихода и в нем служил черный священник (иеромонах), то такой храм назывался монастырем. Понятно, почему строительство вотчинных храмов часто получало форму подобных монастырей: монашествующие, а тем более иеромонахи пользовались большим уважением, чем белые священники, к тому же, как известно, не всякий священник имел в то время право быть духовником. Между тем вотчинник хотел иметь всегда под рукой духовного отца, каковыми чаще всего бывали монашествующие священники. Вотчинник приглашал священника или иеромонаха, рядился с ним о службе и содержании, давал ему и причту хлебную ругу и часто в добавление к хлебному и денежному жалованью отводил участок земли, на котором причт мог вести свое хозяйство». ¹³³ Практика создания подобных родовых богомолий, одним из которых как раз и являлся Хотьковский монастырь, была весьма широко распространена в это время. ¹³⁴

Вскоре родители Варфоломея «постригостася въ мнишеский чинъ, отъидоша кыйждо въ своа времена въ монастыря своа». ¹³⁵ Епифаний не указывает, в каком монастыре постриглись Кирилл и Мария. Между тем в литературе давно было высказано мнение, что этой обителью являлся Хотьковский Покровский монастырь, поскольку именно в нем были похоронены родители преподобного. Упоминание об этом находим в жалованной ружной грамоте великого князя Василия III, выданной 1 марта 1506 г. причту церкви Покрова Богородицы «в манастыре на Хотькове, где лежат Сергея чудотворця родители, отец его Кирило да мати Марья». ¹³⁶

С этим категорически не согласен В. А. Кучкин, считающий, что монастыря в Хотькове никогда не существовало. Показателем этого, по его мнению, является грамота 1506 г., в которой хотя и упоминается «манастырь» в Хотькове, но адресована она не здешним игумену и братье, как полагалось бы, а попу и дьякону, которые и заботятся о 17 старцах и старицах, «что живут в том же манастыре». ¹³⁷ При этом исследователь обращает внимание на более ранний документ 40—50-х гг. XV в., в котором также говорится о том, что храм Покрова в Хотькове возглавлял священник («поп»), а не игумен. ¹³⁸ Отсюда он делает вывод, что в Хотькове изначально стояла церковь, а не монастырь. Тот факт, что в грамоте 1506 г. Хотьковский храм все же назван монастырем, В. А. Кучкин расценивает как бытовое название богаделенных изб вокруг церкви, где находили приют увечные и престарелые. Такой «манастырь», считает он, стал формироваться не ранее второй половины XV в., ибо в упомянутой грамоте 1440—1450-х гг. намек на его существование еще нет. ¹³⁹

Однако при этом исследователь совершенно не учитывает тех условий, в которых развивались подобные домовые монастырьки. Их характеристику дает С. Б. Веселовский: «Дальнейшие судьбы подобных вотчинных монастырьков могли быть разными. При разделах вотчины

¹³³ Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969. С. 178.

¹³⁴ Об одном из таких монастырьков упоминается в Рогожском летописце под 1323 г., где сообщается, что «того же лета преставися Андреи, епископ тферскы, въ своемъ ему монастыри на Шеше, оу святыя Богородица» (ПСРЛ. Т. XV. Стб. 42. Ср. более полное известие: Там же. Т. X. С. 188). О двух других домовых монастырьках сохранила сведения Троицкая летопись. Под 1390 г. в ней помещено известие, что «тое же весны въ великое говение преставися рабъ божий Иванъ Родионовичъ, нареченный въ мни-шескомъ чину Игнатий и положень бысть у святого Спаса въ монастыри, иже на Вьсходне». Спустя три года летопись сообщает, что «сентября въ 21 день преставися Иванъ Михайловичъ, нарицаемый Тропарь, въ бельцехъ и положень въ своемъ монастыри на селе своемъ» (Приселков М. Д. Троицкая летопись. Реконструкция текста. СПб., 2002. С. 436, 443). Из данной грамоты известного боярина Петра Константиновича Добрынского митрополиту Ионе от 15 февраля 1454 г. узнаем о существовании вотчинного монастырька Добрынских во имя св. Саввы (в районе современного Девичьего Поля в Москве) (АФЗХ. Ч. I. М., 1951. № 29. С. 49). Родовым богомолемъ Пушкиных являлся Мушков погост к западу от Москвы (Веселовский С. Б. Исследования... С. 65).

¹³⁵ Клосс Б. М. Избранные труды. Т. I. С. 305–306.

¹³⁶ Акты Русского государства 1505–1526 гг. М., 1975. № 15. С. 24. (Далее – АРГ.)

¹³⁷ Там же.

¹³⁸ АСЭИ. Т. I. № 232. С. 164.

¹³⁹ Кучкин В. А. Антиклоссицизм // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2002. № 2 (8). С. 123.

между сонаследниками совладельцы вотчины заключали между собой особый договор (или вносили соглашение в акт о разделе), кому приглашать причт, как содержать совместно монастырь или храм, обеспечивали нераздельность и неприкосновенность церковного имущества и вообще улаживались о совместном пользовании вотчинным «богомольем». На этой почве между совладельцами вотчины возникали нередко недоразумения и раздоры, тем более острые, чем более размножались совладельцы и дробилась вотчина. Еще хуже было дело, когда части вотчины – путем надела дочерей приданым или путем продаж – попадали в руки инородцев, то есть представителей других родов. Тогда раздоры становились неизбежными и хроническими и организация вотчинного богомолия распадалась. Если представлялась возможность образовать из окрестных селений приход и обеспечить таким путем существование причта, то монастырь, по распоряжению церковных властей, превращался в приходский храм».¹⁴⁰

Именно такая судьба была уготована и Хотьковскому монастырю, который уже через столетие с небольшим превратился в обычную церковь.

Более существенным представляется другое замечание В. А. Кучкина относительно Хотьковской обители. Судя по тому, что Кирилл и Мария были захоронены в одном месте, в научной литературе сложилось мнение, что Хотьковский монастырь был смешанным по своему составу, то есть мужеско-женским.¹⁴¹ Нельзя сказать, что в XIV в. подобный тип обителей являлся чем-то исключительным.¹⁴² Но исследователь обратил внимание на то, что, по словам Епифания, родители Варфоломея «отыдиша... в монастыря своа», то есть в монастыри – во множественном числе, а следовательно, данное определение неприменимо к Хотьковской обители.¹⁴³ Отсюда возможно предположить, что родители Варфоломея постриглись не в одном монастыре, а в двух соседних.

Действительно, к югу от Радонежа, на берегу речки Талицы (у современной деревни Березники), в пределах соседней волости Воря когда-то находился небольшой Троицкий монастырь «на Березнике». Источники не сообщают о времени основания обители. Первые сведения о ней содержатся в данной грамоте, составленной не позднее 5 декабря 1437 г., из которой следует, что «по благословению... старца Давида» его внук «Иван Данилов сын Данилович» передал в монастырь «Святой Троице на Березник игумену з братьею» деревню Бородинскую «на Воре».¹⁴⁴ Упомянутый в этом источнике в качестве вкладчика Иван Данилов принадлежал к московскому боярскому роду Бяконтовых. Его деда, старца Давида, С. Б. Веселовский идентифицировал с боярином великих князей Ивана Красного и Дмитрия Донского – Фофаном (Феофаном), который приходился братом митрополиту Алексею.¹⁴⁵ Впрочем, по мнению С. З. Чернова, весьма вероятно, что упоминаемый в грамоте «старец Давид» – сын Фофана Данила Феофанович, боярин великого князя Василия I, скончавшийся в 1392 г.¹⁴⁶ Так или иначе, Бяконтовы были ктиторами этой небольшой обители в конце XIV – начале XV в., и, очевидно, она служила их родовым богомольем. Имеются некоторые основания отнести возникновение монастырька ко времени выезда в Москву предка его владельцев Федора Бяконта.

¹⁴⁰ Веселовский С. Б. Исследования... С. 178–179.

¹⁴¹ Этой точки зрения, в частности, придерживался Е. Е. Голубинский [*Голубинский Е. Е. Преподобный Сергий Радонежский и созданная им Троицкая лавра. 3-е изд., доп. СПб., 2007. С. 22. Примеч. 2 (репринт изд.: М., 1909)*].

¹⁴² В это время известны и другие мужеско-женские монастыри. Об одном из таких – Лазаревском Городецком – известно из сообщения Рогожского летописца под 1367 г.: «Того же лета месяца июля въ 23 день побилъ громъ черныцевъ и черницъ на Городци въ монастыри въ святомъ Лазари на вечерни, а иныхъ по селомъ изби» (ПСРЛ. Т. XV. Стб. 85).

¹⁴³ Кучкин В. А. Антиклоссицизм // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2002. № 2 (8). С. 123.

¹⁴⁴ АСЭИ. Т. I. № 134. С. 104.

¹⁴⁵ Веселовский С. Б. Исследования... С. 248; АСЭИ. Т. I. С. 601.

¹⁴⁶ ПСРЛ. Т. XXV. С. 279.

Во всяком случае, рядом с ним археологи зафиксировали селище, датируемое в пределах второй половины XIII – первой половины XIV в.¹⁴⁷

Ниже мы будем говорить о довольно тесных связях старшего брата преподобного и происходившего из рода Бяконтовых митрополита Алексея, который во многом содействовал карьере Стефана. Очевидно, это было не случайно. Поскольку Епифаний, сообщая о пострижении Кирилла и Марии, говорит в «Житии» о монастырях во множественном числе (судя по всему, это не описка), можно предположить, что Мария постриглась в семейном Хотьковском монастыре, тогда как ее муж совершил постриг в соседнем Троицком монастыре «на Березнике», который являлся родовым богомолем Бяконтовых.

И все же при всей соблазнительности этой версии ее следует сразу отбросить – трудно предположить, что Кирилл, имея собственную обитель, постригся в таком же монастыре, принадлежащем другому роду. Что же касается дружбы Стефана с будущим митрополитом Алексеем, то, судя по всему, она была вызвана простым соседством их родов в близлежащих волостях: Радонеже и Воре.

Все это заставляет искать иное объяснение фразы Епифания о том, что родители Варфоломея «отыдиша кыйждо... въ монастыря своя». Разгадку дает знакомство со статьей жившего в XIX в. исследователя церковного права Н. С. Суворова. Он указал, что в Древней Руси нередкими были случаи, когда по соседству с мужским монастырем располагалась приписная к нему женская обитель. Обе обители представляли собой две половины единого целого, поскольку были соединены настоятельством одного игумена. В качестве подобного примера Н. С. Суворов приводит известный мужской Спасо-Прилуцкий монастырь под Вологдой, близ которого на расстоянии всего 100 саженей существовал в XVII в. женский Николаевский монастырь. Последний целиком зависел от Спасо-Прилуцкого, хотя для внутреннего ближайшего надзора имел свою настоятельницу-игуменью.¹⁴⁸ Очевидно, такая же структура была характерна и для Хотьковского Покровского монастыря, куда удалились Кирилл и Мария.

Но монашеская жизнь боярина Кирилла и его жены продолжалась недолго. Они умерли один за другим и были похоронены вместе: «и мало поживша лет в чернчестве, преставистася от жития сего, отыдоста к Богу».¹⁴⁹ Судя по всему, перед кончиной родители преподобного, по обычаю того времени, постриглись в схиму. Думать так позволяет запись в синодике Махрицкого монастыря: «Род чудотворца Сергия. Схимонаха Кирилла. Схимонахиню Марию. Климента. Стефана. Петра. Архиепископа Феодора».¹⁵⁰ Здесь перечислены следующие родичи Сергия: отец, мать, племянник, старший и младший братья, племянник. Ниже, при расчете лет монашеского служения Сергия, мы приведем аргументы в пользу того, что смерть родителей преподобного следует относить к 1342 г. Исходя же из того, что впоследствии память Кирилла и Марии отмечалась в Хотьковском монастыре 28 сентября, можно полагать, что они скончались осенью.¹⁵¹

После смерти отца и матери будущего святого уже ничего не удерживало в мирской жизни, и он «начя упражняться от житейских печалей мира сего».¹⁵²

Говоря о выборе Варфоломеем дальнейшего жизненного пути, следует сделать несколько замечаний о мировоззрении того времени. Религиозное чувство пронизывало все бытие древ-

¹⁴⁷ Чернов С. З. Сельские монастыри XIV–XV вв. на северо-востоке Московского княжества по археологическим данным // Российская археология. 1996. № 2. С. 119–122.

¹⁴⁸ Суворов Н. С. Заметки о мужско-женских монастырях в древней России // Архив исторических и практических сведений, относящихся до России, издаваемый Н. Калачовым. 1860–1861. Кн. 4. СПб., 1862. С. 38–46.

¹⁴⁹ Клосс Б. М. Избранные труды. Т. I. С. 305–306.

¹⁵⁰ Леонид (Кавелин Л. А.), архимандрит. Махрицкий монастырь. Синодик и Вкладная книга. М., 1878. С. 3.

¹⁵¹ Никон, иеромонах. Житие и подвиги преподобного и богоносного отца нашего Сергия, игумена радонежского и всея России чудотворца. С. 214. Примеч. 30.

¹⁵² Клосс Б. М. Избранные труды. Т. I. С. 306.

нерусского человека. Земная жизнь, сама по себе жестокая и трудная, рисовалась только отрицательно и ценилась лишь настолько, насколько она приготавливала к жизни вечной. Образцом благоустроенной христианской жизни виделось монашество. Отречение от мира равным образом влекло и неграмотного «простеца», и искушенного книжной мудростью старца, для которых постриг мыслился единственно возможным путем спасения.

Но в монастыри попадали очень разные люди: и «града небесного взыскующие», и стремившиеся «есть свой хлеб в покое», и «жаждавшие славы и почестей». Неудивительно, что в этих условиях у некоторых иноков духовный потенциал оказывался невостребованным, и они покидали обители (иногда с благословения духовного начальства, иногда тайно) и шли искать настоящего откровения. Жажда абсолютного, острая духовная необходимость спасения «здесь и сейчас» обретали формы предельные. Учитывая все это, становится понятным, почему взоры таких людей (иноков, да и не только иноков) вновь и вновь обращались к теме «пустыни». Предания о великих отшельниках прошлого заставляли видеть в пустынножительстве высшую ступень на пути к святости.

Если говорить об аскетизме, то подобный образ жизни был хорошо известен уже в общинах начальной поры христианства: он обсуждается у апостола Павла и восхваляется в Апокалипсисе. Но пустынножительство родилось в очень специфический момент истории Церкви – в IV в. н. э. Еще под конец эры гонений и вопреки им христианство стало религией массовой, привлекавшей к себе души весьма различного качества. Когда же император Константин Великий остановил гонения и стал покровительствовать христианской вере, сменившейся к концу столетия признанием за ней статуса государственной и господствующей религии, причислять себя к христианам стало поначалу безопасно, затем модно и выгодно, а под конец просто необходимо. В результате в широко распахнутые ворота Церкви хлынула стихия случайных людей. Все это привело к определенному кризису веры, подмене духовного начала формальным исполнением церковных обрядов. «В таких условиях, – по мысли известного философа С. Аверинцева, – героические души избирали радикальный путь: ...уйти в страшный жар египетской пустыни, чтобы каждое мгновение чувствовать на себе не взгляды людей, а только взор Бога, чтобы наверное знать, что подвиг творится единственно для Бога, а не ради социальной роли».¹⁵³

---

¹⁵³ Аверинцев С. «Тихое и чудное житие» // Родина. 1992. № 5. С. 10.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.